

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный университет»

ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Caucasian Science Bridge

2020 Vol. 3 №4 (10)

Журнал *Caucasian Science Bridge*

является периодическим печатным изданием, публикующим статьи по направлениям:

07.00.00 «Исторические науки и археология»,

22.00.00 «Социологические науки», 23.00.00 «Политология».

Издание предназначено для публикации основных результатов исторических, политических и социокультурных исследований развития макрорегиона Большой Кавказ в системе государственных и региональных образований евразийского пространства, включающего Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион. Данное магистральное направление сочетается с немаловажной миссией журнала, связанной с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки, что предполагает возможность публикации в данном издании исследований других регионов современного мира в координатах профиля журнала. Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет.

Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal “Caucasian Science Bridge”

is a periodical printed publication publishing articles in the directions of:

22.00.00 “Sociological Sciences”,

23.00.00 “Politics”, 07.00.00 “Historical Sciences and Archeology”.

The journal is geared on publishing articles in the field of historical, political and socio-cultural research of the development of the macro-region the Greater Caucasus in the system of state and regional entities of the Eurasian space, including Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region. This tramline is combined with the mission of the journal: to create an intellectual and discussion platform. Consequently, the articles dedicated to other regions of the world, written within the framework of the journal profile are published. The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years.

Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the “Archives” (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly.

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 07.12.2020. Выход в свет 28.12.2020. Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 4,3. Тираж 550 экз. Заказ № 99.

Отпечатано в типографии ООО «Фонд науки и образования»

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111. Тел. 8-918-570-30-30.

Главный редактор:

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Заместитель главного редактора:

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Билалов Мустафа Исаевич – доктор философских наук, профессор, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Бодио Тадеуш – доктор политических наук, профессор, Варшавский университет; Польская академия наук, г. Варшава, Польша

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, профессор, Северо-Кавказский научно-исследовательский институт экономических и социальных проблем, г. Ростов-на-Дону, Россия

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ибрагимов Айдын Исмаил-оглы – доктор географических наук, Эгейский университет, г. Измир, Турция

Квициани Джони Джокиевич – доктор исторических наук, профессор, Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, г. Тбилиси, Грузия

Койбаев Борис Георгиевич – кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

Мкртчян Артур Ервандович – доктор философских наук, профессор, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Новрузов Рафиг Манаф-оглу – доктор филологических наук, профессор, Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан

Патеев Ринат Фаикович – кандидат политических наук, директор Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

Прити Дибьенду Дас – доктор философских наук, старший научный сотрудник, Центр исследований России и Центральной Азии, Университет Джавахарлала Неру, г. Нью-Дели, Индия

Райко Гнято – доктор географических наук, Баня-Лукский университет, г. Баня-Лука, Республика Сербская

Рязанцев Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Московский государственный институт международных отношений, г. Москва, Россия

Трапш Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Тхагапсоев Хажисмель Гисович – доктор философских наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия

Шадже Асиет Юсуфовна – доктор философских наук, профессор, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акаев Вахит Хумидович – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия

Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Бадмаев Валерий Николаевич – доктор философских наук, профессор, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Беспалова Анна Александровна – кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

Дьяченко Анжела Николаевна – кандидат философских наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия

Кузнецов Аркадий Вячеславович – Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Максимчик Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Старостин Александр Михайлович – профессор, доктор политических наук, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия

Хачецуков Заур Махмудович – кандидат философских наук, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Хопёрская Лариса Львовна – доктор политических наук, Киргизско-Российский славянский университет, г. Бишкек, Киргизия

Шафаги Марьям – преподаватель русского языка, Университет им. Алламе Табатабаи, г. Тегеран, Иран

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Chief Editor:

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bilalov Mustafa Isayevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Bodio Tadeusz – Doctor of Political Sciences, Professor, Warsaw University; Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

Druzhinin Aleksandr Georgievich – Doctor of Geographical Sciences, Professor, North-Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Rostov-on-Don, Russia

Dyatlov Aleksandr Viktorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Ibragimov Aydin Ismail oglu – Doctor of Geographical Sciences, Aegean University, Izmir, Turkey

Kvitsiani Joni Djokievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Javakhishvili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia

Koybayev Boris Georgievich – Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

Mkrtichyan Arthur Ervandovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Novruzov Rafiq Manaf oglu – Doctor of Philological Sciences, Professor, Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan

Pateev Rinat Faikovich – Candidate of Political Sciences, Director of the Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russia

Preeti Dibyendu Das – Doctor of Philosophical Sciences, Senior Assistant Professor, Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, India

Raiko Gnato – Doctor of Geographical Sciences, Banja Luka University, Banja Luka, Republika Srpska

Ryazantsev Sergey Vasilievich – Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, Professor, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Trapsh Nikolay Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Tkhagapsoev Khazhismel Gisovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

Shadzhe Asiet Yusufovna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Adyghe State University, Maykop, Russia

EDITORIAL TEAM

Akaev Vakhit Khumidovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Academy of Sciences of Chechen Republic, Grozny, Russia

Astvatsaturova Maya Artashesovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Badmaev Valeriy Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Kalmyk State University, Elista, Russia

Bedrik Andrey Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bespalova Anna Aleksandrovna – Candidate of Sociological Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, G.R.Derzhavin Tambov State University, Tambov Russia

Dyachenko Angela Nikolaevna – Candidate of Philosophical Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaly Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Krinko Evgeniy Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Southern Scientific Center of RAS, Rostov-on-Don, Russia

Kuznetsov Arkady Vyacheslavovich – Tyumen State University, Tyumen, Russia

Maksimchik Andrey Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus

Khachetsukov Zaur Makhmudovich – Candidate of Philosophical Sciences, Adyghe State University, Maykop, Russia

Starostyn Aleksandr Mihaylovich – Professor, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute for Interdisciplinary Researches of Global Processes and Globalization, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Khopyorskaya Larisa Lvovna – Doctor of Political Sciences, Kyrgyz-Russian Slavonic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Shafaghi Maryam – Russian Language Teacher, Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОПОЛИТИКА БОЛЬШОГО КАВКАЗА

Черевков О.С., Добаев И.П., Бедрик А.В.

Проблематика противодействия религиозно-политической идеологии исламизма в контексте обеспечения национальной безопасности России 10

ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ

Ковалев В.В.

Крещение Руси в 988 г. и его значение для формирования особенностей российской цивилизации 24

Saniye A.

Cultural Heritage Management: Istanbul Historic Peninsula Reviews and Suggestions 31

Немцева О.В., Михайлов И.В., Гузенина С.В.

Научное измерение культурной дистанции и культурных границ в практике международных отношений 36

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Верещагина А.В.

Социально-экономические факторы демографической безопасности российских регионов в постпандемической реальности 50

Информация для авторов 55

CONTENTS

GEOPOLITICS OF THE GREAT CAUCASUS

Cherevko O. S., Dobaev I. P., Bedrik A.V.

Problems of Countering the Religious and Political Ideology
of Islamism in the Context of Ensuring Russia's National Security 10

CIVILIZATIONS AND CULTURES

Kovalev V.V.

The Baptism of Russia in 988 and its Significance for the Formation
of the Features of Russian Civilization 24

Saniye A.

Cultural Heritage Management in the Istanbul Historic Peninsula:
Overview and Suggestions 31

Nemtseva O. V., Mikhailov I. V., Guzenina S. V.

Scientific Measurement of Cultural Distance and Cultural
Boundaries in the Practice of International Relations 36

DISCUSSION TRIBUNE

Vereshchagina A.V.

Socio-economic Factors of Demographic Security
of Russian Regions in the Post-pandemic Reality 50

Information for Authors 55

ГЕОПОЛИТИКА БОЛЬШОГО КАВКАЗА

УДК 172.3, 297.1

Проблематика противодействия религиозно-политической идеологии исламизма в контексте обеспечения национальной безопасности России**О.С. Черевков, И.П. Добаев, А.В. Бедрик***Южный федеральный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация: Начиная с 80-х гг. XX в. на территорию России под внешним влиянием стала активно проникать деструктивная религиозно-политическая идеология исламизма. Его адепты расширяли и укрепляли свое влияние, используя поддержку извне и активно применяя экстремистские и террористические методы достижения власти под прикрытием приверженности мусульманскому вероучению. При этом исламизм проявляет высокую степень адаптации к применяемым против него методам противодействия. В этой связи представляется актуальным обратить внимание на те области, в которых противодействие исламизму в России имеет области улучшения, и какими путями возможна реализация этих улучшений.

Ключевые слова: ваххабизм; ислам; исламизм; фундаментализм; экстремизм; терроризм; идеология.

Для цитирования: Черевков О.С., Добаев И.П., Бедрик А.В. Проблематика противодействия религиозно-политической идеологии исламизма в контексте обеспечения национальной безопасности России // Caucasian Science Bridge. 2020, Т. 3. №4 (10). С. 10-21.

Problems of countering the religious and political ideology of Islamism in the context of ensuring Russia's national security**Oleg S. Cherevkov, Igor P. Dobaev, Andrey V. Bedrik***Southern Federal University**Rostov-on-Don, Russia*

Abstract: Starting from the 80's of the XX century, the destructive religious and political ideology of Islamism began to actively penetrate the territory of Russia under external influence. Its adherents expanded and strengthened their influence, using external support and actively using extremist and terrorist methods to achieve power by hiding their adherence to the Muslim faith. At the same time, Islamism shows a high degree of adaptation to the methods of counteraction used against it. In this regard, it is important to pay attention to the areas where the fight against Islamism in Russia has areas of improvement, and how these improvements can be implemented.

Key words: Wahhabism; Islam; Islamism; fundamentalism; extremism; terrorism; ideology.

For citation: Cherevkov O. S., Dobaev I. P., Bedrik A.V. Problems of countering the religious and political ideology of Islamism in the context of ensuring Russia's national security // Caucasian Science Bridge. 2020, Vol. 3. №4 (10). P. 10-21.

Исламизм – религиозно-политический идеологический комплекс, целью которого является кардинальное, революционное переустройство общественных отношений на базе отдельных положений исламской религии и под ее прикрытием. Эти преобразования достигаются, главным образом, путем насилия, как физического (убийства, разбой, нелегальные виды бизнеса, террор и т.п.), так и психологического (пропаганда, запугивание, вербовка новых последователей и т.п.). Данная идеология, в относительно современном своем виде зародившаяся на Ближнем Востоке в 30-х годах XX века, на сегодняшний день является настоящим бичом общественной безопасности не только в преимущественно мусульманских странах, но и тех частях мира, где мусульмане никогда не составляли абсолютного большинства – Северной Америке, Европе, России, странах Восточной и Юго-восточной Азии. Доступность современных средств коммуникации, открытость информационного пространства и наличие определенных материальных и духовных ресурсов позволяют адептам исламизма достигать своих целей быстро и эффективно, адаптироваться под местные

условия, находить свою целевую аудиторию. И хотя, благодаря средствам массовой информации обывателю может показаться, что мировое сообщество активно противостоит радикалам, на самом деле наблюдается дисбаланс в методах этого противодействия: силовые, контртеррористические методы явно преобладают, в то время как антитеррористические методы, направленные на профилактику экстремизма, все еще оставляют желать лучшего, что обуславливает актуальность изучения проблематики противодействия исламизму и поиск наиболее эффективного инструментария для осуществления этого противодействия.

Россия – один из оплотов борьбы против религиозно-политической идеологии исламизма. На протяжении многих лет ведет она борьбу с этим пагубным явлением. Одной из арен противостояния является регион Юга России, что обусловлено целым рядом факторов: географическим, культурным, цивилизационным, экономическим и т.д. Поиск нужных инструментов для противодействия идеологии исламизма невозможен без глубокого понимания того, при каких обстоятельствах данная система взглядов и суждений проникла в нашу страну, проникла на Юг России, в каких условиях она развилась в ней, как адаптировалась. Поэтому в рамках данной статьи имеет смысл обратиться к историко-политологическому подходу и рассмотреть сквозь его призму события недавнего прошлого.

Проникновение деструктивной религиозно-политической идеологии исламизма, или, как она все еще иногда упоминается в российской научной литературе и журналистике, «ваххабитской» идеологии в нашу страну приходится на конец 80-х г. XX в. История появления этого идеологического комплекса напрямую связана с системным кризисом центральной власти в СССР и России, ослаблением идеологического контроля, возникновением идеологического вакуума в обществе, что особенно серьезно затронуло молодежь. Либерализация выезда за границу привела к тому, что в преимущественно мусульманских республиках Юга России появилась достаточно большая прослойка молодых алимов, которые получили духовное образование в странах Ближнего Востока и завоевали определенный авторитет среди сторонников радикальных преобразований и сепаратистов.

Именно в этот период среди верующих мусульман Советского Союза началось распространение идей исламского фундаментализма и радикализма. Сторонники т.н. «чистого ислама» выделялись в общей массе мусульманской уммы СССР решительным неприятием атеизма, восприятием социалистического общества как общества «безбожного», а также противопоставлением себя официальным Духовным управлениям мусульман и критическим отношением к т.н. «народному исламу», принятому среди мусульманского населения Союза. Исламисты разной степени радикальности поступательно увеличивали интенсивность своей деятельности в крупнейших городах страны, а также были замечены в Татарстане и Башкирии. Однако, в 1990-е годы именно Юг России стал тем регионом, где столкновение между сторонниками «чистого» и людьми, поддерживавшими локальный «традиционный» ислам с вкраплениями горских обычаев стала наиболее острой (*Кудрявцев, 2000*). Рост числа т.н. «ваххабитов» совпал с Перестройкой и общим повышением интереса к религии во всех слоях советского общества, в том числе и к исламу.

Исследователь Р. А. Силантьев отмечает такую особенность адептов исламизма, которая сразу проявила себя в самом начале их существования на Юге России, как не только неспособность, но и нежелание терпеть рядом с собой представителей других религиозных и философских течений, которое выражается в проявлении крайней агрессии и насилия (*Силантьев, 2007*). В. Халидов отмечает, что «центральное место в идейной платформе сторонников исламизма занимает концепция непризнания любой власти, отходящей от предписаний шариата (*Халидов, 2012*).

Духовными и материальными центрами исламизма в тот период времени стали Дагестан и Чечня. Появление провозвестников новой идеологии отмечают в своих работах шейх Саид Афанди Чиркейский (*Аль-Чиркави, 2003, С. 99*), исламоведы М.В. Вагабов (*Вагабов, 1999*), В. О. Бобровников (*Бобровников, 2001, С. 82*). А.Х. Акаев отмечает, что еще в 1989 г. в официальных печатных СМИ появлялись статьи экстремистского характера, прославлявшие исламизм и критиковавшие устоявшиеся на Юге России мусульманские практики; фиксирует качественную подготовку исламистских проповедников и неспособность местных органов правопорядка и идеологического контроля справиться с приобретающей популярность идеологией (*Акаев, 2003*).

В этот период времени, на волне активизации политической деятельности верующих и религиозных объединений в целом, активизировались и мусульманские организации, ставившие своей целью «очищение» ислама и установление нового типа социальных отношений, основанного на положениях ислама (*Ермаков, 1994*). Из рядов этих организаций, образованных, в основном, пришедшими извне проповедниками, «помощниками» из стран Ближнего Востока, Судана, Пакистана, Афганистана, вышли и многие, ставшие впоследствии известными, «доморощенные» идеологи.

Чем слабее становилось российское государство, тем более мощные позиции занимали исламисты. Установление контроля над большей частью бывшей Чечено-Ингушской АССР в период с 1991 по 1993 годы позволило им расширить свою социальную и экономическую базу, сформировать альянс с этнонационалистами, привлечь на свою сторону некоторых религиозных деятелей, ранее относившихся к официальным структурам духовного управления. Например, когда в декабре 1994 года в Чеченскую Республику были введены федеральные войска, «газават» Москве объявил муфтий Х. Алсабеков – бывший наиб-имам Алма-Атинской мечети и наиб-муфтий Казахстана, прошедший обучение в Сирии и Пакистане. Он, а также многие подобные ему, относились к молодому поколению алимов, которые подверглись влиянию радикальных фундаменталистов от ислама. В дальнейшем сепаратисты еще больше обратились к исламизму, после 1996 года, когда Чечня не некоторое время получила де-факто независимость. На ее территории под лозунгами «шариатизации» исламисты уничтожали представителей «старого» духовенства, учителей, бывших сотрудников правоохранительных органов и вообще всех, кто мог ими быть расценен как инакомыслящий. Исламисты не просто вошли в «правительство», они составляли в нем подавляющее большинство, и они желали расширения сферы своего влияния.

Тем временем, в Дагестане распространением религиозно-политической идеологии исламизма занимался Б.М. Кебедев, создавший в ряде населенных пунктов Дагестана неподотчетные официальным органам духовного управления религиозные образовательные учреждения, в которых изучался т.н. «чистый ислам». В одной из таких школ, расположенной в Кизил-Юрте, обучались молодые люди со всех мусульманских регионов Юга России, их число достигало 700 человек (*Ханбабаев, 2001, С. 105*). Начав в духе их далеких провозвестников, египетских «Братьев-мусульман», с благотворительной и просветительской деятельности, исламисты в Дагестане быстро перешли к организационному строительству, созданию необходимой инфраструктуры, психологической и военной подготовке последователей. В этом им серьезно помогли нищета, безработица и отсутствие уверенности в завтрашнем дне, которые беспокоили в те дни подавляющее большинство населения не только республики, но и всей страны. Быстро стала явной тенденция к провоцированию конфликта с приверженцами «традиционного» ислама, что выразилось, например, в организации несанкционированных митингов и беспорядков в г. Махачкала, Буйнакске, Хасавюрте, осквернении мечетей, изгнании имама-«традиционалиста». Для того, чтобы

вовлечь в свои ряды новых адептов, в массовом порядке издавалась литература религиозных фундаменталистов. Книги не только ввозились из-за рубежа, но и печатались прямо на территории России, причем большими (до 100 тысяч экземпляров) тиражами (Ханбабаев, 2001, С. 105). Важное внимание экстремисты уделяли созданию своих ячеек и приданию своей деятельности легитимного статуса, о чем пишет И.П. Добаев: «После завершения чеченских событий 1994-1996 гг. Б. Кебедов активно организовывал ваххабитские ячейки – «исламские общества» («джамааты») на территории Дагестана. На их основе в середине 1997 г. создается общественно-политическая организация «Исламское общество Дагестана», официально зарегистрированное в министерстве юстиции Республики Дагестан» (Добаев, 2001).

Несмотря на то, что в Дагестане региональные власти пытались оказывать давление на последователей исламизма, их позиции продолжали усиливаться. Одна из причин тому – чудовищная по своим масштабам коррупция. Руководители разных уровней, чиновники федеральных и региональных ведомств приватизировали наиболее доходные отрасли экономики и социальной сферы. В обществе царил явный социальная несправедливость: рядовые граждане не могли найти работу, сельская и городская молодежь все чаще уходила в криминальные структуры. Ухудшавшаяся социально-экономическая ситуация способствовала культурному и идейному разброду, а те, в свою очередь, помогали значительному распространению идеологии исламизма в Республике Дагестан, в том числе и при мощном содействии иностранных проповедников и религиозных организаций.

Деятельность исламистов в Дагестане и Чечне очень быстро приобретала агрессивный характер. Лидеры радикалов не скрывали своих планов по объединению всех мусульманских республик Юга России под знаменем «чистого ислама». Период 1998-1999 гг. стал апофеозом экспансионистских планов экстремистов и связан с образованием т.н. «Кадарской зоны» и вторжением боевиков в Дагестан. Лишь благодаря хоть какой-то стабилизации социально-политической ситуации в стране, активизации взаимодействия федеральных и региональных органов власти и охраны правопорядка удалось отразить наступление исламистов. В дальнейшем, уже в ходе боевых действий на территории Чечни, федеральные власти применили тактику «чеченизации» конфликта, в некотором смысле постепенно отделяя его в общественном сознании от конфликтов в других частях света с участием радикалов. Чем стабильнее становилось экономическое положение населения, чем устойчивее вела себя власть, чем справедливее и жестче обеспечивалось соблюдение законности, тем больше слабели позиции экстремистов. Это выразилось, например, в переходе от полномасштабных боевых действий к партизанским (около 2005 г.), изменении структур управления бандитскими группами и удалении последних этнонационалистических элементов из локального идеологического комплекса северокавказского исламизма (2007 год), подпаданию под более плотный контроль международных исламистских организаций (2012-2015). Сочетание эффективных контртеррористических (силовых) мероприятий, а также образование крупного очага напряженности в Сирии и отток большей части исламистов с Юга России позволили некоторым политикам и средствам массовой информации говорить о «разгроме террористического подполья на Северном Кавказе» (Regnum, 2016). Проблема противостояния исламизму несколько утратила резонанс и уже не находится в эпицентре внимания средств массовой информации, как это было еще несколько лет назад.

Однако, обращаясь к данным о количестве зарегистрированных преступлений террористической направленности в Российской Федерации, мы увидим, что их число существенно выросло: в 2012 году было зарегистрировано 637 подобных преступлений, в 2013 году – 661, в 2014 – уже 1128, в 2015 – 1538, в 2016 – 2227, в 2017 –

1871, в 2018 – 1679, в 2019 – 1806. За период с января по октябрь 2020 года зарегистрировано 1990 преступлений террористической направленности (*Генпрокуратура РФ, 2020*), что гораздо выше показателя предыдущего аналогичного периода. Уже лишь эти данные опровергают тезис о том, что исламизм в нашей стране разгромлен и потерял свое влияние: напротив, он никуда не делся, а активность радикалов – возрастает.

Проблема противодействия исламистским радикалам усугубляется тем, что, несмотря на то, что структуры «ИГ» (запрещенной в России террористической организации) были вытеснены в периферийные районы Сирии и Ирака, организации удалось в значительной степени сохранить свой финансово-экономический и организационный потенциал. По данным журнала *The Economist*, данная террористическая организация осуществила вывод крупного объема денежных средств из указанных выше государств, составляющий порядка 400 миллионов долларов США. При этом подавляющее большинство объемов этих средств были размещены в Турции, Ливане, европейских странах и монархиях Персидского залива (*Арчаков, 2016*). Тактика и стратегия действий экстремистов претерпели существенные изменения: если ранее религиозно-политические радикалы стремились к созданию единого пространства, «халифата», который бы очагами войн протянулся от Иберийского полуострова до Восточного Туркестана и островов в Тихом океане, то теперь речь идет о действиях глубоко законспирированных групп, действующих, по большей части, автономно, применяющих тактику точечных нападений и диверсий. Т.н. «спящие ячейки» исламистов действуют на территории более 60 государств мира, и Россия – не исключение (*Хоперская, 2018; ТАСС, 2018*). По сути своей, идет возврат к усовершенствованной концепции «мятежевойны», сформированной еще в 1960-е годы военным теоретиком русского зарубежья Месснером Е.Э., который в своей работе писал: «Воевание повстанцами, диверсантами, террористами, саботажниками, пропагандистами примет в будущем огромные размеры...» (*Месснер, 1960*).

Радикалы, наверняка не без помощи своих кураторов, смогли сохранить высший руководящий состав и организационную структуру. Основу руководителей автономных «джамаатов» составляют люди, получившие колоссальный опыт организации подпольного сопротивления на Ближнем Востоке, которые возвращаются в страны своего происхождения – это около 30% от всех принимавших участие в боевых действиях на стороне исламистов (*Ковалев, 2019*). К тому же, это люди, глубоко убежденные в своей правоте, правильности того, что они делают, и которые могут идеологически и психологически влиять на последователей и сочувствующих. Такое идеологическое воздействие является краеугольным камнем в применении тактики «террора одиночек», характерными чертами которого являются низкие затраты и, зачастую, формальная непринадлежность самого террориста к структурам «джамаата». Здесь надо отметить, что тезис о применении такого типа террора не нов: к нему призывал в свое время один из лидеров «Аль-Каиды» (запрещенной в России террористической организации) Айман аз-Завахири. Суть подобного рода стратегии заключается в том, что лица, которые могут быть изначально не аффилированы с исламистскими организациями, но которые разделяют религиозно-политические экстремистские взгляды, должны самостоятельно и без существенной поддержки со стороны исламистских организаций (за исключением идеологической) совершать террористические действия, а организации, в свою очередь, должны брать ответственность за их проведение по факту (*Андрюхин, 2018*). Примеров подобных акций по состоянию на 2020 год уже много: 2 февраля – нападение с применением холодного оружия в Лондоне (*Российская газета, 2020*), 16 октября – громкое убийство учителя Самюэля Пати в Париже (*Вести, 2020*), 29 октября – массовое убийство в Ницце в

католической базилике Нотр-Дам (*Газета.РУ, 2020*), 2 ноября – террористический акт в Вене (*Российская газета, 2020*).

В России также создалась напряженная ситуация: Федеральная служба безопасности в течение года заявила о предотвращении более 20 террористических актов, география которых охватывает Москву, Санкт-Петербург, Башкортостан, Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Ханты-Мансийский АО, Красноярск, Мурманск, Астрахань, Ростовскую область, Чувашию, Тверскую область, Ставропольский край и др. (*РИА, 2020*). Важно отметить, что среди несостоявшихся исполнителей терактов в России выделяются две категории: первая – выходцы из Центральной Азии, вторая – из мусульманских республик Юга России. Они, как правило, возвратились из зоны боевых действий на Ближнем Востоке и размещались, главным образом, в крупных экономических центрах регионов, что отличает нынешний тип исламистского подполья от существовавшего еще в начале 2010-х годов («лесная умма»).

В контексте нашей статьи особое внимание хотелось бы уделить именно Югу России, где все еще, по старой и недоброй традиции, сильны позиции исламистов. Особое внимание вновь на себя обращает Дагестан, где «ваххабиты», как в 90-е годы, жестко конкурируют с представителями официальных духовных органов за мировоззрение, в первую очередь, молодежи. Несмотря на громкие заявления отдельных представителей региональных властей, Дагестан остается территорией, где экстремистская деятельность имеет систематический, а не эпизодический характер. При этом Дагестан превращается в один из центров координации религиозно-политического экстремизма по всей России. По мнению ряда специалистов, пока в регионе будут сильны позиции «ваххабитов», угроза остальной территории страны так же будет оставаться высокой, поскольку «человек, исповедующий ваххабитскую идеологию, является потенциальным рекрутом, он и есть «спящая ячейка» (*Накануне, 2018*).

Исламистам удалось сохранить своей присутствие в информационном поле, где все еще продолжают действовать многоязычные современные средства массовой информации – информационные агентства с обученными специалистами, телеканалы, сетевой журнал, сообщества и информационные каналы в социальных сетях, особенно Telegram, которые регулярно выпускают материалы достаточно высокого качества исполнения (*Ставропольская правда, 2018*).

Ввиду всего вышесказанного, хотелось бы, не отрицая успехов российских сил охраны правопорядка за последние годы, обратить внимание на дисбаланс между контртеррористическим (силовым, направленным на ликвидацию уже существующих исламистских ячеек) и антитеррористическим (информационно-идеологическим, профилактическим, направленным на уничтожение влияния деструктивной идеологии) противодействием. Да, в Российской Федерации в конце 2018 года был принят «Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019 – 2023 годы», среди целей которого были следующие положения: повышение эффективности профилактической работы с лицами, подверженными воздействию идеологии терроризма, а также подпавшими под ее влияние; реализация мер по формированию у населения Российской Федерации антитеррористического сознания; совершенствование мер информационно-пропагандистского характера и защиты информационного пространства Российской Федерации от идеологии терроризма; развитие организационных и иных мер, направленных на повышение результативности деятельности субъектов противодействия терроризму (Национальный антитеррористический комитет, 2018). Да, за 2019 год в плане антитеррористической деятельности российские службы достигли следующих результатов: заблокированы финансовые активы более 2 тыс. лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности; проведено более 12

тыс. адресных профилактических мероприятий с лицами, подверженными воздействию террористической пропаганды, около 14 тыс. мероприятий с лицами, отбывающими наказание за совершение преступлений, около 35 тыс. мероприятий с трудовыми мигрантами (Rambler, 2019). Однако угроза религиозно-политического экстремизма никуда не уходит, потому что нет четкой и простой системы идей, своего рода «плана жизненных действий», который бы можно было противопоставить такому мощному идеологическому комплексу как исламизм, который бы бил по самым слабым точкам этой идеологии: о несостоятельности «чистоты» ислама, который проповедуют радикалы (Добаев, 2020); о тупиковости и ретроградности системы социальных взаимоотношений, которую хотят выстроить исламисты и т.д. Не уделяется достаточно внимания именно идеологической повестке, а если оно уделяется, то не совсем верно определяется целевая аудитория.

Для понимания возможных путей борьбы с идеологией исламизма имеет смысл изучить определенный зарубежный опыт. Исследованию проблематики противодействия идеологии радикального ислама посвящен ряд работ известного исламоведа Добаева И.П. (Добаев, 2011, 2014, 2015, 2020). Так, отмечается приоритет разоблачительной деятельности в отношении исламистских лидеров и организаций при разработке методов идеологического противодействия в Соединенных Штатах Америки. Причем в этой деятельности активно задействованы крупные специалисты в этой области, научные центры и институты; регулярно проводятся совместные экспертные мероприятия при участии сотрудников спецслужб и лиц, пользующихся авторитетом в мусульманской среде.

Важно отметить, что американская внешняя политика зачастую направлена на поддержку «умеренных» исламистов, готовых идти на сделку с США и их союзниками, таким образом, реализуется принцип «разделяй и властвуй». Делается упор на ликвидацию исламизма руками последователей ислама (Cohen, 2001). Финансируются и тщательно организовываются визиты симпатизирующих исламистам религиозно-политических деятелей в США, где они контактируют исключительно с представителями традиционных направлений религии, максимум – с некоторыми умеренными реформистами. Американцы последовательно ведут политику по пресечению насилия в отношении ряда социальных и религиозных групп в мусульманских странах, подчеркивая, что те, кто совершают подобные действия, становятся в один ряд с исламистскими радикалами; активно поддерживают локальные и региональные СМИ, которые критикуют религиозно-политический экстремизм, изображают образ жизни на Западе и капиталистическую систему в положительном ключе (Добаев, 2015).

Реализация качественного идеологического противодействия требует использования системы современных социальных и информационно-коммуникационных технологий. Так, объединяющую США и ряд их союзников (Великобританию, Канаду, Австралию, Новую Зеландию) систему радиоэлектронной борьбы «Эшелон» после событий 2001 года в значительной степени ориентировали на обеспечение антитеррористической деятельности. В систему входят лучшие технические, программные решения, предназначенные для перехвата и анализа информации. Система может распознать любой язык, который есть в ее базе, и если будут обнаружены ключевые слова, то можно считать, что указанный объект попадет под присмотр спецслужб (Бочарников, 2013). По мнению исследователей И.В. Бочарникова и С.С. Гончарова, своего рода аналогом такой системы в России мог бы стать «пакет Яровой», но желание государства сэкономить привело к тому, что техническая составляющая реализуется операторами мобильной связи, которые являются субъектами экономических отношений, для которых обеспечение государственной безопасности стоит уже после получения прибыли (Бочарников, 2019).

Стоит обратить внимание и на другой вектор американской антитеррористической стратегии. Еще в 2015 году, наблюдая за «обратной миграцией» исламистов из Сирии и Ирака на родину, в страны Центральной Азии, Соединенные Штаты приняли «Стратегию по борьбе с экстремистскими идеями», объектом которой стало население государств указанного региона, а одной из главных целей – борьба с террористической угрозой и идеологией исламизма. Затем была принята новая редакция стратегии, которая охватывает период с 2019 по 2025 годы. В отчете Государственного департамента США говорится о том, что США направили более 9 миллиардов долларов США прямой помощи странам, выделили более 50 миллиардов долларов США через международные организации, американский капитал инвестировал более 31 миллиарда долларов США в экономику стран Центральной Азии. Американские специализированные средства массовой информации распространяют информационные материалы на языках народов Центральной Азии, которые посвящены исламистской угрозе (*U.S. Department of State, 2018*). При этом, возможно, следствием такой активной политики США в регионе является отток исламистов в Россию. Поэтому для российского государства важно реализовывать программы, которые были бы схожи по своей сути с американской «Стратегией».

Не только такие крупные и богатые страны, как США, способны эффективно противостоять религиозно-политическому экстремизму. Например, опыт создания единого идеологического и информационного центра по противодействию исламизму есть у Алжира: посредством массовой контрпропаганды, сосредоточения внимания на отвергающих насилие и террор положениях Корана и Сунны и нелицеприятных фактах из истории «ваххабизма», лояльные властям религиозные деятели добились существенных успехов в исправлении ситуации, а также дискредитации исламистского движения в глазах молодежи (*Абдуллина, 2017*).

У нашей страны есть все основания для того, чтобы при помощи специалистов в области исламоведения, авторитетных религиозных деятелей вести более активную и успешную контрпропагандистскую работу, направленную на группы риска – мусульманскую молодежь России и прибывающих в нашу страну трудовых мигрантов из Центральной Азии. Необходимо осуществлять более активную работу по адаптации и социализации не только в отношении приехавших в нашу страну, и в определенных случаях – непосредственно и наших граждан, что позволит вывести их из категории «уязвимых» для исламистского влияния людей.

Важной представляется реализация действий, направленных на развенчание ореола мнимого «героизма» вокруг исламистов, дискредитацию глав «джамаатов» и деятелей больших исламистских организаций, в том числе и посредством киноискусства. Так, отличным примером того, как нужно снимать качественную контрпропаганду, может служить британский мини-сериал «Государство» (*Кинопоиск, 2017*), шведский сериал «Халифат» (*Кинопоиск, 2020*), ближневосточный сериал «Черные вороны» (*Кинопоиск, 2017*).

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что число сторонников исламизма в мире в целом и России в частности, рост влияния этой религиозно-политической экстремистской идеологии, активизация ее членов, говорят о том, что проблематика противодействия исламизму становится актуальной, как никогда. Несмотря на то, что Российская Федерация находится в авангарде силового противостояния экстремистам, все еще существуют области для улучшения данной политики, в частности, в сфере идеологического противодействия. Для того, чтобы осуществлять эффективное сопротивление исламистской идеологии, необходимо осуществить ряд качественных и масштабных мероприятий, при разработке и реализации которых следует учесть международный опыт и понимать важность использо-

вания современных социальных и информационно-коммуникационных технологий.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Черевков Олег Сергеевич

Магистрант

Институт социологии и регионоведения,

Южный федеральный университет

E-mail: cherefkoffos@yandex.ru

Cherevkov Oleg Sergeevich

Master student

Institute of Sociology and Regional Studies,

Southern Federal University

E-mail: cherefkoffos@yandex.ru

Добаев Игорь Прокопьевич

Доктор философских наук, профессор,
эксперт Российской академии наук

Институт социологии и регионоведения,

Южный федеральный университет

E-mail: dobaev@gmail.com

Dobaev Igor Prokopyevich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Russian Science Academy expert

Institute of Sociology and Regional Studies,

Southern Federal University

E-mail: dobaev@gmail.com

Бедрик Андрей Владимирович

Кандидат социологических наук, доцент

Институт социологии и регионоведения,

Южный федеральный университет

E-mail: abedrik@bk.ru

Bedrik Andrey Vladimirovich

Candidate of Sociological Sciences, Associate
Professor

Институт социологии и регионоведения,

Южный федеральный университет

E-mail: abedrik@bk.ru

Литература

1. *Абдуллина Я.Б.* Ослабление исламского фундаментализма в Алжире. // 30 лет кафедре религиоведения Уральского федерального университета. Сборник научных статей. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт социологических и политических наук, Департамент философии, Кафедра религиоведения. - Екатеринбург, 2017. С. 82-88.
2. *Акаев В.Х.* Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. // Северо-Кавказский центр высшей школы, Чеченский государственный университет. - Грозный, 2003. 264 с.
3. *Аль-Чиркави, Саид-Афанди.* Сокровищница благодатных знаний. М., 2003.
4. *Андрюхин Н.Г., Смирнов А.А.* Терроризм одиночек как современная форма террористической деятельности. // Международная жизнь. М., 2018. № 9. С. 91-109.
5. *Арчаков М.К.* Материально-техническое обеспечение исламских экстремистских организаций. // Чтения памяти профессора А.А. Сидоренко. Благовещенск, 2016. №3, С. 12-20.
6. *Бобровников В.О.* Ислам на постсоветском Северном Кавказе (Дагестан): миф и реальность. // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / под ред. А. Малашенко и М.Б. Олкотт; Моск. Центр Карнеги. М., 2001.
7. *Бочарников И.В.* Информационное противодействие терроризму в современных условиях. // Проблемы безопасности. М.: 2013. № 3 (21). С. 2-3.
8. *Бочарников И.В., Гончаров С.С.* «Спящие ячейки» террористического псевдохалифата «ИГ» в России: меры профилактики и противодействия. // Наука. Общество. Оборона. М.: 2019, Т.7, №4.
9. *Вагабов М.* Кто заинтересован в эскалации войны // НГ- Религии. 1999. 1 сентября.
10. Вести (2020). Исламист жестоко убил французского учителя из-за карикатур на пророка Мухаммеда. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/2473331>
11. Газета. РУ (2020). Трое погибших, обезглавлена женщина: в Ницце произошел теракт. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2020/10/29/13338271.shtml>
12. Генеральная прокуратура Российской Федерации (2020). Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_map
13. *Добаев И. П.* К вопросу о религиозной чистоте «истинного ислама» // Гуманитарий Юга России. 2020. Том. 9. № 3. С. 202-215.
14. *Добаев И.П.* Ваххабизм как социально-политический феномен в Саудовской Аравии и на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – Ростов-н/Д, 2001. № 3. С. 56-67.
15. *Добаев И.П.* Противодействие новому терроризму в идеологической сфере: зарубежный опыт // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. Ростов-н/Д, 2015. №3. С. 87-90.

16. *Добаев И.П.* Радикализация ислама в современной России. М. - Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания. 2014. 332 с.
17. *Добаев И.П., Добаев А.И.* Терроризм и антитеррористическая деятельность в Российской Федерации. Ростов н/Д.: Издательство ЮФУ, 2011. 200 с.
18. *Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И.* Геополитика и терроризм эпохи постмодерна. Ростов н/Д.: Изд-во- ЮФУ, 2015. 370 с.
19. *Ермаков И., Микульский Д.* Ислам в России и Средней Азии. М., 1994.
20. Кинопоиск (2017). Страница мини-сериала «Государство». Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/series/1046886/>
21. Кинопоиск (2017). Страница сериала «Черные вороны». Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/series/1048714/>
22. Кинопоиск (2020). Страница сериала «Халифат». Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/series/1331193/>
23. *Ковалев А.А.* Актуальные проблемы национальной безопасности России: теоретические и практические аспекты. / под общей редакцией В.А. Шамахова, СПб.: Издательство Коновалова А.М., 2019.
24. *Кудрявцев А. В.* (2000). Ваххабизм: проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе. Режим доступа: <http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/14.Kudriav.shtml>
25. *Месснер Е.Э.* Мятёж – имя третьей всемирной. Буэнос-Айрес, 1960.
26. Накануне (2018). Православные храмы оказались в зоне риска. Режим доступа: <https://www.nakanune.ru/articles/113711/>
27. Национальный антитеррористический комитет России (2018). Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019 – 2023 годы. Режим доступа: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyu-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html>
28. Рамблер (2019). Глава ФСБ подвел итоги антитеррористической работы в 2019 году. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/other/43337054-glava-fsb-podvel-itogi-antiterroristicheskij-raboty-za-2019-god/>
29. Регнум (2017). Ликвидация в Дагестане Рустама Асильдерова – крупный успех силовиков. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/2213731.html>
30. РИА (2020). Случай предотвращения терактов в России в 2020 году. Режим доступа: <https://ria.ru/20201015/terakty-1579936608.html>
31. Российская газета (2020). В Лондоне произошел очередной теракт с применением холодного оружия. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/02/02/v-londone-proizoshel-ocherednoj-terakt-s-primeneniem-holodnogo-oruzhiia.html>
32. Российская газета (2020). В центре Вены у синагоги произошла стрельба. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/11/02/v-centre-veny-u-sinagogi-proizoshla-strelba.html>
33. *Силантьев Р. А.* (2007). Россия ваххабитская. Режим доступа: <http://www.gazetanv.ru/article/?id=833>
34. Ставропольская правда (2018). Из выступления Патрушева Н.П. в ходе выездного совещания в Черкесске 11.04.2018 г. Террористы рвутся на Кавказ. Режим доступа: https://yandex.ru/turbo/stpravda.ru/s/20180413/terroristy_rvutsya_na_kavkaz_119517.html
35. ТАСС (2018). АТЦ СНГ: «спящие ячейки» террористов существуют во многих странах. Дата обращения: 04.12.2020. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/5736238>
36. Халидов В. (2012). Возможен ли диалог с «лесной уммой»? Режим доступа: http://islamio.ru/news/society/vozmozhen_li_dialog_s_lesnoy_ummoy_/
37. *Ханбабаев К.М.* Этапы распространения ваххабизма в Дагестане // Алимь и ученые против ваххабизма. Махачкала, 2001.
38. *Хопёрская Л. Л.* «Исламское государство 2.0»: нарастающая угроза на евразийском пространстве // Caucasian Science Bridge. 2018.1(1). С. 51–64.
39. *Cohen A.* Hizbut-Taqhrir. An Emerging Treat to U.S. Interests in Central Asia // The Heritage Foundation. 2003. 30 May.
40. U.S. Department of State (2018). United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity (Overview). Available at: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/>

References:

1. AbdullinaY. B. (2017). *The weakening of Islamic fundamentalism in Algeria*. 30 years of the Department of religious studies of the Ural state University. Collection of scientific articles. Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Institute of social and political Sciences, Department of philosophy, Department of religious studies. Yekaterinburg, P. 82-88.

2. Akaev V. Kh. (2003). *Islam: social and cultural reality in the North Caucasus*. North Caucasian Center of Higher Education, Chechen state university. Grozny. 264 p.
3. Al-Chirkawi, Sayyid Afandi (2003). *Treasury of blessed knowledge*. Moscow.
4. Andryukhin N.G., Smirnov A.A (2018). Solitary terrorism as a modern form of terrorist activity. *International life*. Moscow. No.3. P. 91-109.
5. Archakov M. K. (2016). *Material and technical support of extremist organizations*. Readings in memory of professor Sidorenko A.A. Blagoveshchensk. No.3. P. 12-20.
6. Bobrovnikov V.O. (2001). *Islam in the North Caucasus (Dagestan): myth and reality. Islam in the post-Soviet space: internal view*. Carnegie Center. In A. Malashenko & M.B. Olcott (Eds.). Moscow.
7. Bocharnikov I.V. (2013). *Informational counteractions to terrorism in modern conditions*. *Problems of security*. Moscow. No.3(21), P.2-3.
8. Bocharnikov I.V., Goncharov S.S. (2019). "Sleeping cells" of the "ISIS" terrorist pseudocaliphate: prevention and counteraction methods. *Science. Society. Defense*. Moscow. T. 7, No.4.
9. Cohen A. (2003). *Hizbut-Taqrir. An Emerging Treat to U.S. Interests in Central Asia*. The Heritage Foundation.
10. Dobaev I.P. (2001). Wahhabism as social and political phenomenon in Saudi Arabia and in the North Caucasus. *Scientific thought of the Caucasus*. Rostov-on-Don. No.3. P. 56-67.
11. Dobaev I.P. (2015). Countering the new terrorism in ideological sphere: foreign experience. *Governmental and municipal management. Scientific notes*. Rostov-on-Don. No. 3. P. 87-90.
12. Dobaev I.P. (2014). *Radicalization of Islam in modern Russia. Social and humanitarian knowledge*. Rostov-on-Don. 332 p.
13. Dobaev I.P. (2020). On the question of the purity of "true Islam". *Humanitarian of the South of Russia*. Vol. 9, No.3 P. 202-215.
14. Dobaev I.P., Dobaev A.I. (2011). *Terrorism and antiterrorist activity in the modern Russian Federation*. SFedU Publishing house. Rostov-on-Don. 200 p.
15. Dobaev I.P., Dobaev A.I., Nemchina V.I. (2015). *Geopolitics and terrorism of postmodern epoch*. SFedU Publishing house]. Rostov-on-Don. 370 p.
16. Ermakov I., Mikul'skii D. (1994) *Islam in Russia and Middle Asia*. Moscow.
17. Gazeta.RU (2020). Three dead, a woman beheaded: a terrorist attack took place in Nice. Available at: <https://www.gazeta.ru/social/2020/10/29/13338271.shtml>
18. General Prosecutor's Office of the Russian Federation (2020). Legal statistics web-portal. Available at: http://crimestat.ru/offenses_map
19. Khalidov V. (2012). Is it possible to have a dialogue with the "forest Ummah"? Available at: http://islamio.ru/news/society/vozmozhen_li_dialog_s_lesnoy_ummoy_/ (in Russian).
20. Khanbabaev K. M. (2003). *Stages of the Wahhabism spreading in Dagestan. Alims and scientists against Wahhabism*. Makhachkala.
21. Khopyorskaya L.L. (2018). "Islamic State 2.0": the growing threat in the Eurasian space. *Caucasian Science Bridge*. P. 51-64.
22. Kinopoisk (2017). Mini-series "The State" webpage. Available at: <https://www.kinopoisk.ru/series/1046886/>
23. Kinopoisk (2017). Series "The black ravens" webpage. Available at: <https://www.kinopoisk.ru/series/1048714/>
24. Kinopoisk (2020). Mini-series "The Caliphate" webpage. Available at: <https://www.kinopoisk.ru/series/1331193/>
25. Kovaliov A.A. (2019). *Actual problems of the Russian national security: theoretical and practical aspects*. Konovalov A.M. Publisher house. In Shamakhov V.A (Eds.) St.-Petersburg.
26. Kudryavtsev A.V. (2000). Wahhabism: problems of religious extremism in the North Caucasus. Available at: <http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/14.Kudriav.shtml>
27. Messner E.A. (1960). *The Riot is the name of World war III*. Buenos-Aires.
28. Nakanune (2018). The orthodox churches are at risk zone. Available at: <https://www.nakanune.ru/articles/113711/>
29. National antiterrorist committee of the Russian Federation. (2018) Comprehensive plan to counter the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2019-2023. Available at: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html>
30. Rambler (2019). The head of the FSB summed up the results of anti-terrorist activities in 2019. Available at: <https://news.rambler.ru/other/43337054-glava-fsb-podvel-itogi-antiterroristicheskoy-raboty-za-2019-god/>
31. Regnum (2017). Rustam Asilderov's liquidation is a big success of the Russian law enforcers. Available at: <https://regnum.ru/news/society/2213731.html>
32. RIA (2020). Cases of terrorist acts preventions in Russia 2020. Available at: <https://ria.ru/20201015/terakty-1579936608.html>

33. Rossiiskaya gazeta (2020). There is another terrorist act in London with use of cold weapon. Available at: <https://rg.ru/2020/02/02/v-londone-proizoshel-ocherednoj-terakt-s-primeneniem-holodnogo-oruzhiia.html>
34. Rossiiskaya gazeta (2020). In the centre of Vienna at the synagogue there has been shooting. Available at: <https://rg.ru/2020/11/02/v-centre-veny-u-sinagogi-proizoshla-strelba.html>
35. Silantiev R. A. (2007). Wahhabi Russia. Available at: <http://www.gazetanv.ru/article/?id=833>
36. Stavropol'skaya Pravda (2018). From the speech of N. P. Patrushev during an off-site meeting in Cherkessk on 11.04.2018. Terrorists are rushing to the Caucasus. Available at: https://yandex.ru/turbo/stpravda.ru/s/20180413/terroristy_rvutsya_na_kavkaz_119517.html
37. TASS (2018). ATC CIS: "Sleeping cells" of terrorists are existing in many countries. Available at: <https://tass.ru/politika/5736238>
38. U.S. Department of State (2018). United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity (Overview). Available at: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/>
39. Vagabov M. (1999). *Who is interested in war escalation. NG – Religions*. Moscow. 1st of September.
40. Vesti (2020). The Islamist severely beat the French teacher because of the cartoons of the Prophet Muhammad. Available at: <https://www.vesti.ru/article/2473331>.

Поступила в редакцию

1 октября 2021 г.

ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ

УДК 930

Крещение Руси в 988 г. и его значение для формирования особенностей российской цивилизации

В.В. Ковалев*Южный федеральный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация: В статье обосновывается идея, согласно которой крещение Руси, состоявшееся в 988 году, и последующая за ним христианизация восточного славянства, имели решающее значение для формирования цивилизационных особенностей российского государства. Авторы говорят о двух сторонах указанного процесса. Во-первых, подчеркивается культуuroобразующая роль христианства, способствовавшего распространению грамотности, развитию искусства, литературы, архитектуры. Во-вторых, принятие новой веры от Византии стало источником цивилизационной замкнутости будущего российского государства, оказавшегося за пределами европейской ойкумены.

Ключевые слова: крещение Руси; христианизация; Византия; восточное славянство; язычество; великокняжеская власть.

Для цитирования: Ковалев В.В. Крещение Руси в 988 г. и его значение для формирования особенностей российской цивилизации // Caucasian Science Bridge. 2020, Т. 3. №4 (10). С. 24-30.

Baptism of Russia in 988 and its significance for formation of features of the Russian civilization

Vitaliy V. Kovalev*Southern Federal University**Rostov-on-Don, Russia*

Abstract: The article substantiates the idea that the baptism of Russia, which took place in 988, and the subsequent Christianization of the Eastern Slavs, were crucial for the formation of civilizational features of the Russian state. The authors speak about two sides of this process. First, the author emphasizes the cultural role of Christianity, which contributed to the spread of literacy, the development of art, literature and architecture. Secondly, the adoption of the new faith from Byzantium became a source of civilizational isolation of the future Russian state, which appeared outside the European ecumene.

Keywords: baptism of Russia; Christianization; Byzantium; Eastern Slavs; paganism; Grand Ducal power.

For citation: Kovalev V.V. The Baptism of Russia in 988 and its Significance for the Formation of the Features of Russian Civilization // Caucasian Science Bridge. 2020, Vol. 3. №4 (10). P. 24-30.

Введение

В одной из своих работ великим русским философом Николаем Бердяевым было сказано, что русские не имеют никаких иных ценностей, кроме христианских (Бердяев, 2002). Этим автор указывал на то огромное значение, которое имеет христианство для русской культуры. Традиционно принято подчеркивать разницу между русской и западной культурами. В этом контексте можно уточнить высказывание Н.А. Бердяева. Совершенно ясно, что он, говоря о христианстве, подразумевал православие. Учитывая же то, что в Западной Европе основными формами вероисповедания были католицизм и протестантизм, то различия между русской и западной цивилизациями следует усматривать именно в характере влияния православного вероисповедания на ход формирования российской культуры. В России православие действительно имело огромное значение для складывания культурных особенностей нашей страны. В каких же условиях происходило принятие и усвоение православия? Как оно определило особенности русской культуры? В чем состояла суть механизмов религиозного воздействия на русскую культуру?

В связи со всем вышесказанным, цель статьи можно определить как анализ характера крещения Руси и влияния этого процесса на цивилизационные особенности России.

Основной раздел

Крещение Руси нельзя свести к разовому явлению; процесс её христианизации растянулся на многие столетия по обе стороны от официально признанной даты. Первые христиане стали появляться на Руси еще в IX веке. Как свидетельствуют археологические раскопки, проводимые в Киеве, христианские поселения в городе представляли собой по численности довольно значительный состав населения. Данные выводы делаются на основании изучения захоронений. У восточных славян был распространен обряд кремации покойников, в то время как христианская церковь запрещала сжигать верующих. Это существенным образом облегчало археологам возможность различать захоронения христиан и язычников.

Другой официальный факт, подтверждающий наличие христиан на Руси до 988 года, относится к свидетельству в Повести Времени Лет о заключении договора князя Игоря с Византией. В договоре говорится, что русичи из окружения Игоря, которые являются христианами, должны были принести клятву на кресте, в отличие от язычников, клявшихся на оружии. Кроме этого, в том же договоре говорится о некоей «сборней» церкви. Некоторые исследователи, в частности А.Н. Сахаров, предполагают, что это есть соборная церковь, а не собранная из какого-либо материала (*Сахаров, 1989*). Гипотеза, что в Киеве есть соборная церковь безусловно предполагает наличие еще нескольких церквей, которые находятся в иерархическом подчинении у главного собора. Это означает, что в Киеве уже в первой половине X в. был значительный христианский приход, что в городе было много прихожан христианского вероисповедания.

Другой известный факт из летописных источников свидетельствует о распространении христианства в середине X в. уже в среде княжеского рода. В ПВЛ пишется о том, что в 957 г. киевская княгиня Ольга, жена великого князя Игоря и мать Святослава Игоревича, ездила в Константинополь – столицу империи – и приняла там христианство, причем крестным княгини стал сам византийский император, а процесс крещения осуществлял личный духовник византийского монарха. Княгиня Ольга многое сделала для христианизации Руси. Она неоднократно пыталась уговорить принять крещение и Святослава. Однако ее сын будучи наследником получил языческое воспитание и, став князем, наотрез отказался принимать новую веру, хотя и не чинил препятствий княгине в ее пропаганде христианства.

Данные факты позволяют сделать вывод о том, что процесс христианизации начался задолго до 988 г., когда христианство стало официальной религией Руси.

Крестителем Руси считается князь Владимир Святославич. Принимая христианство от Константинополя, Владимир выдвинул условие: взять в жены родную сестру правящего императора Анну. В ответ император запросил военную помощь против взбунтовавшихся малоазийских вассалов. Эта просьба была удовлетворена, и брачное соглашение состоялось. Владимир принял христианство и обвенчался с византийской императрицей (*Касьянов, 2017*).

После официального крещения христианство на Руси утверждалось с большим трудом. Основная масса населения Руси – крестьяне. А между тем, легко принять христианство могли только жители городов. Объяснение этому видится достаточно простое. Земледельческий труд предполагает существование тесной связи с природой. В силу этого верования жителей села всегда носят пантеистический характер, то есть они рассматривают Бога как природу. Отсюда происходит обожествление сил природы, поклонение Матери земле, Небу и т.д. Крестьяне зависят от капризов погоды: засухи и чрезмерные дожди могут вызвать неурожай, которые приведут к голоду или даже смерти. В силу этого крестьянин относится к природе с большим почтением и

видит в тех или иных ее явлениях волю богов, которых он боится и стремится задобрить, вызвать расположение к себе и своему племени.

Особый характер религиозных верований земледельцев формирует и особый склад культуры. Религия крестьян складывается согласно трудовым циклам и циклам отдыха. Так, празднования приурочиваются к окончанию сбора урожая, покосу трав для скота, севу и т.п.

Ясно, что в этих условиях христианство должно было либо слиться с прежними представлениями земледельцев на Руси, дав лишь новое название старым по своей сущности праздникам, либо остаться чуждой основной массе населения. Сельская Русь все-таки восприняла христианство, но процесс его принятия был очень сложный. Он заключался в том, что прежние празднования крестьян из языческих превратились в христианские, а покровителями тех или иных видов работ стали христианские святые, вместо прежних языческих божеств. Эволюция внедрения христианства в русскую культуру состояла в тот период времени лишь в этом, формальном его принятии. Перенятие непосредственно самих христианских ценностей, христианской морали, догматики было очень слабым (*Касьянов, 2017*).

Этот вывод подтверждается источниками. Во многих религиозных поучениях XII-XIV вв. говорится о том, что в среде русского народа по-прежнему остаются живучими языческие пережитки. Авторы поучений давали подробное описание того, как крестьяне справляли праздники совершенно в духе языческих времен, несмотря на формальную принадлежность к христианской церкви (*Милюков, 2004*).

Христианство в рассматриваемый период прочно утвердилось в городах. Город представляет из себя культуру несколько иного типа, чем село. Прежде всего в нем совершенно по-другому строятся трудовые отношения. Человек в трудовом производстве оторван от природы, не зависит от нее. Окончательные результаты его труда складываются не из ожиданий дождя или, напротив, сухой погоды, а исключительно из собственных умений и навыков. Кроме оторванности от природы, важно указать на индивидуалистический характер труда в городе. Если в сельской местности имеет место преимущественно коллективный труд, то в городе ремесленники и торговцы зависят от себя. Исходя из этого, в городе легче формируется индивидуальная личность. Личность же менее зависима от окружения и легче может принимать новшества, в том числе и в области религии. Принятие христианства требовало некоторого разрыва с традиционными нормами и представлениями, и в городах процесс этого разрыва протекал более быстрыми темпами и менее болезненно.

Другой важный момент христианизации Руси, отличающий процесс принятия христианства в городской и сельской местностях, заключается в том, что жители городов более восприимчивы к культуре. А ведь христианство явилось тем фактором, который способствовал развитию оригинальности и самобытности русской культуры, поднимая ее на новый, в сравнении с язычеством, несоизмеримо более высокий уровень развития. В городах после принятия христианства начинают учреждаться школы. В первую очередь потребность в них объяснялась в необходимости подготовки профессиональных и грамотных служителей культа. Однако помимо этой функции церковь на Руси занималась и образованием самых широких слоев населения. Найденные историком Яниным при раскопках Новгорода «берестяные грамоты» (восточные славяне писали на коре березы) позволяют увидеть, что грамотность была распространена широко практически во всех слоях населения (*Самыгин, 2018*).

Сама образовательная деятельность церкви осуществлялась на основе церковнославянского литературного языка, который пришел на Русь также вместе с христианством. Христианизация Руси обуславливала необходимость издания книг религиозного содержания. И вот здесь можно отметить уникальность нашей культуры.

Уже в XII в. на древнерусский язык были переведены Евангелия. Между тем аналогичное обстоятельство произошло в странах Западной Европы лишь в XVI столетии, на четыре века позже. Издание христианской литературы также сделало возможным развитие светского литературного творчества и издание законов, регулирующих правовую жизнь общества. В последнем случае христианство косвенным и прямым образом содействовало становлению форм государственной жизни на Руси.

Итак, христианство развивалось прежде всего в городах. Однако преувеличивать степень легкости его усвоения не стоит. Это было бы существенным искажением реальности. Так, например, ПВЛ свидетельствует о том, что в Новгороде народ первоначально отказывался принимать христианство, не хотел порывать с язычеством, и дяде великого князя Добрыне, который руководил процессом крещения новгородцев, пришлось применить вооруженную силу. Да и в самом Киеве, по свидетельству того же источника, Владимир загонял киевлян в воду для крещения «аки стада». Разница между культурообразующими факторами христианства и культурообразующими факторами язычества, конечно, велика, и народ не мог сразу отказаться от своих культурных традиций.

В целом, можно отметить, что христианизация городского населения на Руси завершилась к середине XI века, а сельского растянулась на два-три столетия.

Борьба двух культур – языческой и христианской – развернувшаяся на Руси на рубеже X-XI столетий, закончилась формальной победой христианства. Формальной эту победу следует назвать потому, что элементы языческой культуры не исчезли полностью из сферы культурной жизни Руси, они оказались органично вкрапленными в цивилизационную ткань, и в последующем в течение длительного времени воздействовали на формирование русской культуры, прежде всего народной ее части, то есть сферы фольклора (Клибанов, 1989).

Между тем развитие российской цивилизации не ограничивается лишь рубежом X-XII вв., а протекает на протяжении многих столетий, вплоть до XXI века. И, если рассматривать развитие русской культуры в перспективе, то следует указать, что христианство выступило в качестве наиглавнейшего фактора, обусловившего её особенности.

Крещение Руси, если верить летописной записи, состоялось в 988 г. С этого момента Русь официально стала христианской державой. Приятие христианства принято связывать с личностью великого князя киевского Владимира Святославича. Именно благодаря его решению Древнерусское государство вошло в семью христианских народов. Во всяком случае, личное решение князя креститься логически предполагало и крещение всего народа, так как с точки зрения ценностей того времени, власть не могла быть устойчивой и авторитетной, если верхушка общества в религиозном плане неоднородна с основной массой населения.

Обычно в науке принято считать, что Владимир принял христианство в целях укрепления государственной власти. В этом смысле проблема имеет два основных значения: повышение престижа власти на международной арене и утверждение ее авторитета внутри страны.

В средневековье единоверие играло существенную роль, влияя на торговлю между отдельными странами, заключение политических и матримональных союзов, использование иностранных наемных дружин, обмен достижениями культуры. В этих условиях правители всех европейских государств были заинтересованы в принятии одной религии – христианства, как части античного наследия. Это делало их формально равными друг другу, принадлежащими одному культурному миру, противостоящему варварам-язычникам.

Выполнило ли христианство для Руси эту свою культурную задачу? В период развития российской цивилизации, приходящийся на время Киевской Руси, полностью. Рюриковичи, как представители княжеского рода, сочетались браками с самыми различными европейскими королевскими и княжескими дворами. Быть в династическом союзе с киевскими князьями считалось почетным. Доказательством служат не только два династических брака с византийским двором. Признанием значения великокняжеского стола Руси был также династический брак с Францией (наиболее развитым государством того времени) – дочь Ярослава Мудрого Анна была французской королевой.

В дальнейшем, однако, авторитет княжеской власти на международной арене был в значительной степени подорван. Конечно, здесь сыграли свою роль и превратности русской истории (например, монголо-татарское нашествие), но важно также отменить и собственно культурологические факторы. В 1054 г. состоялась схизма, разрыв между восточным (православным) и западным (католическим) христианством. Это привело к изоляции двух культур: восточно-христианской и западно-христианской, углублению цивилизационных различий между ними. Русь тесно связала свою судьбу с Византией, которая была основополагающей базой православной культуры. Между тем Византия, как государство, неизбежно клонилась к упадку. Конечно, Русь многое почерпнула из огромного потенциала византийской культуры. Это вопрос бесспорный. И все же здесь более важным представляется другое. Византия не могла в силу ослабления своего военно-политического потенциала оказать сколько-нибудь значительную помощь в борьбе с кочевниками. Русь же самостоятельно не смогла противостоять ордам с востока. В итоге, неокрепшая российская цивилизация оказалась сметена в результате нахлынувшего девятого вала в виде нашествия монголо-татар. Русь оказалась растерзанной и разграбленной. Пока она, образно выражаясь, «зализывала раны», приходя в себя после разорения, культура Западной Европы ушла далеко вперед и при этом оказалась глубоко чуждой русской культуре.

Именно таким образом Россия была лишена возможности налаживать культурное взаимодействие посредством династических браков.

Что касается повышения авторитета власти внутри страны посредством принятия христианства, то эта культурообразующая функция христианской веры полностью была реализована в России.

Прежде всего здесь необходимо указать на изменение отношения народа к верховной власти.

Традиционно в киевский период развития российской цивилизации отношение к княжеской власти определялись принципами весьма далекими от положения о божественной природе власти, превалировавшего в идеологии раннего христианства. Князь, как верховный носитель власти, рассматривался народом в качестве лица, поставленного на княжение согласно народной воле. Это велось еще с легенды о призвании Рюрика новгородским старостой Гостомыслом. Призванному князю народ мог дать отказ в княжении и отправить в изгнание, если он нарушал традиционный порядок взаимоотношений с обществом. В целом положение князя в киевский период было неустойчивым. По летописным свидетельствам князь постоянно менял место своего княжения (иногда по нескольку раз в год) и происходило это не в последнюю очередь из-за активной политической позиции народа.

С принятием христианства на Руси хотя и не сразу, но очень многое изменилось. Русская православная церковь изначально с момента учреждения ее иерархии на Руси стала содействовать усилению княжеской власти. Первоначально этот процесс продвигался с большим трудом. Ему всячески препятствовала Византия, так как

формирование идеологии божественного происхождения верховной власти на Руси противоречило официальной идеологии Константинополя, согласно которой земную власть от Бога получил только византийский император, а все остальные приобрели властные полномочия лишь непосредственно из Константинополя.

Однако после окончательной гибели Византии в 1453 году в результате нашего турок-османов, это препятствие было снято и в российском государстве утверждается идеологическая система «Москва – третий Рим», согласно которой русская империя имеет божественный характер и призвана утвердить истинное христианство во всем мире. Власть великого князя получает божественное освящение и государство становится особым фактором формирования русской культуры. Ни в одном из государств средних веков и нового времени верховная власть не играла столь значительной роли культуuroобразующего фактора, как в России.

Говоря о повышении авторитета великокняжеской власти в ходе принятия христианства, важно также отметить и еще один существенный аспект. Мы должны иметь в виду, что период X-XII веков это время, когда восточнославянские племена переживали процесс этнической интеграции. Нужно признать, вопреки тому, что утверждалось ранее из соображений современной политики в национальном вопросе, что на политической карте современной России могли сформироваться несколько разноэтнических государств. Отделение на современном этапе Белоруссии и Украины от России – лишь слабое отражение сценария, по которому могли бы развиваться события. Восточнославянские племена, как явствует из источников, никогда не осознавали себя единой общностью. Но и процесс племенного самосознания в X веке еще только начинался. Основным критерий этнического единства – общность языка – восточные славяне еще сохраняли, правда, уже на уровне диалектов. Но появились и существенные различия, главным образом, во внешнем виде и в религии. В каждом племени складывался свой пантеон богов, со схожими функциями, но с различными названиями, которые, кроме прочего, ориентировали верующих к осмыслению их племенной исключительности относительно других восточнославянских племен, выполняли роль символов племенного единства, и следовательно, активно служили процессу его национального самосознания.

Приостановить ход развития в этом направлении могла только та религия, которая стоит над узконациональными воззрениями и несет в себе общечеловеческие ценности. В истории развития русской культуры эту миссию и выполнило христианство.

В киевский период развития российской культуры общенационального самосознания русским народом себя как единой этнической и культурной общности еще не было. Может быть поэтому, как отмечает В.О. Ключевский, в наших летописях часто звучит понятие «русская земля», но практически никогда – «русский народ» (*Ключевский, 1987*). Самосознание замерло на стадии территориального единства, будучи прерванным на местах централизаторской политикой киевских князей. Но до уровня духовного единства нации оно не возвысилось. Потребуется страшное нашествие Батые, после которого процесс национального самосознания будет окончательно связан с христианством, прежде воспринимавшимся формально, и с более мощными импульсами к территориальному единству, следствием чего станет тот факт, что на огромных пространствах Восточно-Европейской равнины сформируются три, а не, скажем, тридцать народов и государств.

Заключение

В нашей работе мы рассмотрели далеко не все аспекты предметного пространства исследования. Впрочем, это едва ли возможно. Ведь помимо обозначенного, хри-

стианство оказало влияние и на другие стороны культурной жизни русского общества, затронув практически все его сферы.

Христианство содействовало распространению грамотности. Особая роль здесь принадлежит монастырям, при которых создавались общеобразовательные школы. Издание книг религиозного характера также требовало расширения грамотности. Хотя бы в среде людей, которые должны были вещать народу божественную истину и проводить богослужение.

Христианство дало толчок развитию архитектуры. Как здесь не сказать о том, что первые каменные строения на Руси были христианскими храмами.

Но наиболее важным и значимым стало то, что христианская религия существенным образом изменила психологию народа, оказала значительное влияние на формирование новых ценностей, обычаев, норм поведения. Эти изменения были, конечно, постепенными. Они не сразу пробивали себе дорогу в толщу народного сознания, но именно они, изменения духовного плана, и оказались главным культурообразующим фактором. Ведь историю, и, стало быть, культуру, творит народ.

В целом, подводя общий итог, следует сказать о большом позитивном значении факта крещения Руси для формирования и развития российской культуры, ее дальнейшего становления как самобытной части общемировой цивилизации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ковалев Виталий Владимирович
 Доктор социологических наук,
 Институт социологии и регионоведения,
 Южный федеральный университет,
 E-mail: vitkovalev@yandex.ru

Kovalev Vitaliy Vladimirovich
 Doctor of Sociological Sciences,
 Institute of Sociology and Regional Studies,
 Southern Federal University,
 E-mail: vitkovalev@yandex.ru

Литература

1. Бердяев Н.А. Душа России. М.: Владос, 2002. 216 с.
2. Касьянов В.В., Самыгин П.С., Шевелев В.Н., Самыгин С.И. История для бакалавров. Ростов-на-Дону: Феникс, 2017. 376 с.
3. Касьянов В.В. История культуры. М.: Юрайт, 2017. 290 с.
4. Ключевский В.О. Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1987. 456 с.
5. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. М.: Пирамида, 2004. 561 с.
6. Клибанов М.В. Русское православие: вехи истории. М.: Прогресс, 1989. 723 с.
7. Самыгин П.С., Беликов К.С., Бережной С.Е., Вдовиченков Е.В., Крот М.Н., Рудая О.И., Самыгин С.И., Шевелев В.Н. История. Ростов-на-Дону: Феникс, 2018. 358 с.
8. Сахаров А.Н. Внешняя политика древнерусского государства в X веке. М.: Наука, 1989. 412 с.

References

1. Berdyaev, N.A (2002). *The Soul of Russia*. Moscow: Vlados.
2. Kasyanov, V.V., Samygin, P.S., Shevelev, V.N., Samygin, S.I (2017). *History for bachelors*. Rostov-on-Don: Phoenix.
3. Kasyanov, V.V (2017). *Istoriya kultury*. M.: Yurayt.
4. Klyuchevsky, V.O (1987). *Essays*. Vol. 1. Moscow: Mysl.
5. Milyukov, P.N (2004). *Essays on the history of Russian culture*. Vol. 2. Moscow: Piramida.
6. Klibanov, M.V (1989). *Russian Orthodoxy: Milestones of history*. Moscow: Progress.
7. Samygin P.S., Belikov K.S., Berezhnoy S.E., Vdovichenkov E.V., Krot M.N., Rudaya O.I., Samygin S.I., Shevelev V.N (2018). *History*. Rostov-on-Don: Phoenix.
8. Sakharov, A.N (1989). *Foreign policy of the Old Russian state in the X century*. Moscow: Nauka.

Поступила в редакцию

10 сентября 2020 г.

УДК 351.853

**Cultural Heritage Management in the Istanbul Historic Peninsula:
Overview and Suggestions****Akca Saniye****Supervisor: Arzu Kocabas***Kabardino-Balkarian State University
Nalchik, Russia*

Abstract: Cultural heritages are assets which have traces of not only the past but also of region existing, and these assets must be handed from generation to generation. They reflect background of the existing society and live and develop with those people. In order to provide this transfer appropriately, the strategies which are proper to the principles and norms of sustainability must be applied. In conjunction with globalization which is accompanied with modernization, regions with cultural heritage have started to become economy and attraction centers. Historical textures and regions which are located in city center are situated on the places which economic activities are live and are under the pressure of usage. For this reason, these regions must be protected and functioned in most correct way. Not only human activity but also global warming which must be examined for the past, present and future effects must be considered in the framework of protection of cultural heritage. In order to provide sustainability of cultural heritage management and to transfer the historical textures and artifacts to next generations by not avoiding to use, "Area Management" mechanism is situated in our agenda with its legislative and administrative dimensions. Within the World Heritage List, the criterias of UNESCO Operational Guidelines, in the related World heritage areas which are located in different geographies are examined on local conditions and then local area management plans are formed. In different geographical areas, Area Management Plans are formed in the same scope but in different configurations. The objective of this article is the protection of cultural heritage areas which is located in different geographies and taking the decisions for developing them and investigation of Istanbul Historical Peninsula Area Management Plan within the context of participatory planning approach in legislative and administrative framework.

Keywords: cultural heritages; conservation; site management; management plan.

For citation: Saniye A. Cultural Heritage Management in the Istanbul Historic Peninsula: Overview and Suggestions // Caucasian Science Bridge. 2020, Vol. 3. №4 (10). P. 31-35.

**Управление культурным наследием на Историческом полуострове Стамбула:
обзор и предложения****А. Сание****Руководитель: Арзу Коджабас***Кабардино-Балкарский государственный университет
г. Нальчик, Россия*

Аннотация: Культурное наследие – это объекты, которые отражают не только прошлое, но и настоящее региона, они должны передаваться из поколения в поколение. Объекты культурного наследия отражают предысторию современного общества, живут и развиваются вместе с людьми. Чтобы надлежащим образом обеспечить трансляцию этих объектов, необходимо применять стратегии, соответствующие принципам и нормам устойчивого развития. В связи с глобализационными и модернизационными процессами, регионы с культурным наследием стали превращаться в экономические центры. Исторические районы, расположенные в центре города, находятся в местах, где ведется хозяйственная деятельность, и подвергаются негативному воздействию. По этой причине эти регионы должны быть защищены и наиболее эффективно использованы. Не только воздействие человека, но и глобальное потепление, которое необходимо изучить на предмет прошлых, настоящих и будущих последствий, следует рассматривать в рамках защиты культурного наследия. Для того чтобы обеспечить устойчивость управления культурным наследием и передать исторические объекты следующим поколениям, не избегая их использования, в повестку дня включен механизм «Управления территорией». В рамках Списка объектов всемирного наследия, практических рекомендаций ЮНЕСКО по отношению к различным видам культурного наследия, они подлежат изучению с учетом местных условий, а затем составляются планы управления на местном уровне. В разных регионах планы управления территориями формируются в одном объеме, но в разных конфигурациях. Целью данной статьи является анализ мероприятий по охране и развитию объектов культурного наследия, расположенных в разных географических регионах, а также исследование Плана управления территорией

Исторического полуострова Стамбул в контексте реализации согласованного планирования законодательной и административной деятельности.

Ключевые слова: культурное наследие; сохранение; управление сайтом; план управления.

Для цитирования: Сание А. Управление культурным наследием на Историческом полуострове Стамбула: обзор и предложения // Caucasian Science Bridge. 2020, Т. 3. №4 (10). С. 31-35.

Research Concept

Cultural heritages are assets which have traces of not only the past but also of region existing, and these assets must be handed from generation to generation. They reflect background of the existing society and live and develop with those people. In order to provide this transfer appropriately, the strategies which are proper to the principles and norms of sustainability must be applied. In conjunction with globalization which is accompanied with modernization, regions with cultural heritage have started to become economy and attraction centers. Historical textures and regions which are located in city center are situated on the places which economic activities are live and are under the pressure of usage (*Ökesli, 2011*). For this reason, these regions must be protected and functioned in most correct way. Not only human activity but also global warming which must be examined for the past, present and future effects must be considered in the framework of protection of cultural heritage.

Discussion

Following World War II, most of the cities in Europe were destroyed on large scales, and urban planning approach applied to form cities back. But this process affected negatively against civil architectural and cultural heritage areas. Finally, within the context of protection of cultural heritage areas, transition from monumental structure to urban scale was started. In the age we live in, protection of cultural heritage becomes harder day by day by especially the reasons of worsening economic circumstances and the income struggles by population growth (*Kiper, 2004*).

International organisations are working in order to protect cultural heritage areas sustainably and hand these to next generations. In the meetings which are holded by international organisations like UNESCO, ICOMOS and Council of Europe, principals are determined, and with advisory jurisdiction public opinion is tried to be clarified and be kept awake against the threat.

Espacially UNESCO adopted the concept of “sustainable growth” and mantain their studies in this context. This context has arised as a connection to 3E (Economy, Ecology, Equity) which formed in 1970s. by UNESCO, with the intent of sustainable protection of cultural heritage areas, Operational Guidelines For The Implementation Of The World Heritage Convention was prepared as an agreement and principals were determined. Thanks to this guide, administrative plans are formed in World heritage ares in different geographies (*Kocabaş, 2006*).

In order to provide sustainability of cultural heritage management and to transfer the historical textures and artifacts to next generations by not avoiding to use, “Area Management” mechanism is situated in our agenda with its legal and administrative dimensions as an updated tool. Within the World Heritage List, the criterias of UNESCO Operational Guidelines, in the related World heritage areas which are located in different geographies are examined on local conditions and then local area administrative plans are formed. In different geographical areas, Area Management Plans are formed in the same scope but in different configurations. If the area management plans of different geographies are examined in local conditions, it is obvious that local conditions are shaped by that society’s cultural, economic, physical and social dimensions.

Because of the increasing authorization paradoxes or conflicts in planning systematics, serious problems occur in planning process. At the same time, the unconsciousness of society about importance and protection of their own culture and culturel heritage esca-

lates the severity of the circumstance. By legislative regulations, the transformations of a lot of towns to neighborhoods or connecting them to municipalities caused immense difficulties in planning and inspection especially in recent years. Increasing the authorisations of metropolitan municipalities, administration has become more centralized, less localized and because of this fact, society has become estranged about the management and politics, formation of administration has become much more authoritarian. Because of these developments, concepts of collaborative planning and governance started to fray around the edges. The objective of this article is the protection of cultural heritage areas which is located in different geographies and taking the decisions for developing them and investigation of Istanbul Historical Peninsula Area Management Plan within the context of participatory planning approach in legislative and administrative framework.

Historical Peninsula which is the subject of this article is one of the cities which can face the risk of submerging because of the global warming. According to an research, 2 metres rise on sea level is going to cause the half of the fresh water supplies to become dysfunctional and im potable and to undergo radical changes shoreline of the city. Rising on sea levels by melting of glaciers caused by climate change will directly affect coasts of Istanbul Historical Peninsula (*National Geographic*).

Turkey signed "About the the Protection of the World Cultural and Natural Heritage convention" , adopted by UNESCO in 1973, in 1983. 'Historical Areas of Istanbul', which consists of four regions, was registered on the World Heritage List in 1985.

The Historic Peninsula is an important trade and service area on both urban and regional scale. Due to its geopolitical location, the roles it assumed in the historical process has not changed, it has maintained its weight in the fields of culture, art and economy. For this reason, Site Management plan studies have been started to protect and sustain the cultural heritage values within the boundaries of the area, and the Istanbul Historic Peninsula Area Management Plan was approved in 2011 to cover 4 important areas included in the World Heritage List (Sultanahmet Archaeological Park, Süleymaniye Mosque and its Associated Conservation Area, Zeyrek Mosque (Pantocrator Church) and its Associated Conservation Area, Land Walls of Istanbul).

Then, the revision works, which lasted for 4 years, started in 2014.

Within the concept of the Management Plan; firstly, vision and principles have been determined, in this direction, problem areas and targets to solve them have been established. Strategies and actions needed for the targets were identified and responsible institutions and organizations were identified to perform the actions. A code system has been developed to establish the relationship between management plan objectives, strategies and actions. This framework is structured under 7 headings. These titles;

- Management and Coordination;
- Protection-Planning;
- Conservation and Restoration;
- Accessibility;
- Education, Awareness and Participation;
- Visitor Management;
- Risk Management.

The most important part of the concept of the Management Plan is The Focus Meetings, where research is evaluated and themes are created. As a result of these meetings, a workshop was organized and as a result of these studies, principles and policies were determined for the Management Plan. Within the scope of these principles and policies; decisions taken for the concept of sustainable protection of cultural heritage;

– Spatial development should be in harmony with the natural and cultural environment, respecting the cultural heritage, taking care of the needs of future generations;

- Considering disaster risk in the studies carried out in the field;
- Ensuring the sustainable protection and use of cultural values in accordance with national and international legislation;
- Supporting public transport and pedestrianization decisions;
- Conservation practices in an integrated manner in the Management Plan Area.

Within the scope of these determined principles and policies, targets and actions for the themes have been established.

Conclusion

In the context of protection and sustainability of cultural heritage, the objective strategies and administrative relationships of this city which is faced with global warming, must be examined in the framework of "Area Management Plans". The expression of cultural heritage administration, gains great importance in terms of protection, restoration and development of cultural heritage. Participatory policies must be provided and applied in order to keep historical urban texture alive by developing with its surroundings, to save the protected areas, and to make authorities accept these areas as a heritage for future. The condition to provide this is to increase consciousness of protection and to organise administration according to the principals of local and participatory planning. In this article, protection of cultural heritage on the base of local and participatory planning and obtaining sustainability protection are defended and asserted. The studies on legislative and administrative framework is not sufficient for protection and administration of cultural heritage. Therefore the policies and applications of European countries must be followed up and taken into consideration. The relationships between countries and international meetings can cause to form policies.

There are many laws and regulations and responsible institutions within the scope of the Istanbul Historic Peninsula Management Plan regulatory framework. This negatively affects both the conservation of cultural heritage and the stage of making and implementing the management plan. A regulatory framework should be established in which laws on protection and development of cultural heritage and "Special Laws" for the Historic Peninsula have been created. An "Inter-Institutional Committee" should be established to determine the duties and authorities of the institutions and regulate the relationship between them in order to prevent the lack of authority and lack of coordination.

Citizens as a third group should be added to the grouping of actors and responsible persons in the area management, and in the context of urban rights, the public should be included in the decision making process regarding their own living spaces.

The concept of Risk Management should not be a theme but should be evaluated as a separate project, and the results achieved in this context should provide input to the targets and strategies. The dangers caused by the earthquake and fire examined within the scope of the Historic Peninsula Plan should be added to the factors caused by global warming, and comprehensive projects should be developed.

The Istanbul Historic Peninsula Management Plan, which can be revised within the scope of all these suggestions, will be a successful example that has been strengthened against global warming and other natural disasters, has been preserved, and a more participatory management has followed a planning approach. In this way, the Istanbul Historical Peninsula can stay where it deserves in the UNESCO World Heritage List.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**Акча Сание**

Магистрант

Кабардино-Балкарский государственный
университет**Akca Saniye**

Master's Degree Student

Kabardino-Balkarian State University

References

1. Ahunbay, Z. (2011). *Tarihi Çevre Koruma ve Restorasyon. Yapı-Endüstri Merkezi Yayınları*, İstanbul.
2. Aksoy, A. ve Enlil, Z. (2012). Kültürel Miras Yönetiminde Çağdaş Yaklaşımlar. *Anadolu Üniversitesi Yayını, Kültürel Miras Yönetimi Kitabı*, Ünite 1, 2-29.
3. Ilgaz, M. (2013). Risk Altındaki Topraklar. *National Geographic*, Eylül, 66-79.
4. İstanbul Tarihi Alanları Alan Başkanlığı. (2011). İstanbul Tarihi Yarımada Yönetim Planı.
5. Kiper, P. (2004). Küreselleşme Sürecinde Kentlerin Tarihsel-Kültürel Değerlerinin Korunması: Türkiye Bodrum Örneği, Doktora Tezi, Ankara Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Ankara.
6. Kocabaş, A. (2006). İstanbul Bağlamında Kentsel Korumaya Güncel Yaklaşımlar, Uluslararası Kentsel Koruma Rehberleri ve Deneyim ile İstanbul'un Karşı Karşıya Kaldığı Zorluklar, MSGSÜ Şehir ve Bölge Planlama Bölümü, Kentsel Koruma ve Yenileme Bilim Dalı 'Nasıl bir koruma' Paneli, İstanbul: MSGSÜ Oditoryumu.
7. Kocabaş, A. (2012). *Urban Conservation and Regeneration in Istanbul's Historic Peninsula: Progress and New Challenges*, Pacetti, Mm; Passerini, G.; Brebbia, C. A. and Latini, G. (ed.s), The sustainable city VII: Urban Regeneration and Sustainability, UK: WIT Press, May 2012.
8. Ökesli, D. (2011). Kültürel Miras ve Koruma Üzerine Yasal Çelişkiler ve Tarihi Çevrede Yeni Yapı. *Güney Mimarlık Dergisi*, 3, 12-18.
9. UNESCO, World Heritage Center. (2013). Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention, Temmuz.

Поступила в редакцию**20 октября 2020 г.**

УДК: 327

**Научное измерение культурной дистанции и культурных границ
в практике международных отношений****О.В. Немцева, И.В. Михайлов, С.В. Гузенина***Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
г. Тамбов, Россия*

Аннотация: Данное исследование является актуальным, поскольку в современном мире наличие у людей разных культурных ценностей по-прежнему способно привести их, как минимум, к нежеланию устанавливать дипломатические и межличностные контакты друг с другом, а как максимум, к возникновению между ними военной конфронтации. В работе представлены конкретные примеры проявления рассматриваемых феноменов в международных отношениях. В результатах исследования отражены уровни анализа и практической политики явления культурной дистанции и культурных границ.

Ключевые слова: Культурная дистанция; интолерантное отношение; взаимодействие; уровень анализа; мигранты.

Для цитирования: Немцева О.В., Михайлов И.В., Гузенина С.В. Научное измерение культурной дистанции и культурных границ в практике международных отношений // Caucasian Science Bridge. 2020, Т. 3. №4 (10). С. 36-47.

**Scientific measurement of cultural distance and cultural boundaries
in the practice of international relations****Olesya V. Nemtseva, Igor V. Mikhailov, Svetlana V. Guzenina***Derzhavin Tambov State University
Tambov, Russia*

Abstract: This study is relevant, because in the modern world, the presence of different cultural values among people can still lead them, at least, to an unwillingness to establish diplomatic and interpersonal contacts with each other, and at most, to the emergence of a military confrontation between them. The study presents specific examples of the phenomena under consideration in international relations. The results of the study reflect the levels of analysis and practical policy of the phenomenon of cultural distance and cultural boundaries.

Keywords: cultural distance; intolerant attitude; interaction; level of analysis; migrants.

For citation: Nemtseva O. V., Mikhailov I. V., Guzenina S. V. Scientific measurement of cultural distance and cultural boundaries in the practice of international relations // Caucasian Science Bridge. 2020, Vol. 3. №4 (10). P. 36-47.

Термин «культурная дистанция» впервые был введён во второй половине XX века британскими социологами И. Бабикером, Дж. Коксом и П. Миллером в работе «Измерение культурной дистанции и её связь с медицинскими консультациями, симптоматологией и экзаменационной успеваемостью иностранных студентов Эдинбургского университета», изданной в 1980 году. В указанной работе иностранные специалисты пришли к выводу, что от того насколько существенна разница между культурными особенностями принимающей страны и прибывшего в неё иностранца, зависит уровень тяжести потенциальных психологических проблем, которые у данного человека могут возникнуть в процессе адаптации к новым условиям жизни. В качестве обоснования своей теории британские учёные использовали проведённое ими исследование, где они анализировали, как оторванность от собственной культурной среды влияет на появление у иностранцев депрессивного состояния и потребности в посещении психолога (*Babiker, 1980, P. 115-116*).

В 1996 году американский политолог и социолог С. Хантингтон издал объёмный труд «Столкновение цивилизаций», в котором также говорится о проблеме культурной дистанции.

В своей работе С. Хантингтон рассуждает о концепции универсальной цивилизации, предполагающей создание общемировой культуры, в рамках которой индивиды будут общаться на одном языке, являться последователями одного вероисповедания и в целом придерживаться одинаковых ценностей. В условиях существования универсальной цивилизации между народами по определению не возникает культурная дистанция, так как культурные нормы являются общими для всех. По этой же причине общество универсальной цивилизации характеризуется высоким уровнем взаимной толерантности.

На первый взгляд складывается впечатление, что государства должны стремиться к универсализации культуры, поскольку это позволило бы избежать конфликтов на культурной почве. Однако американский политолог и социолог объясняет, почему концепция универсальной цивилизации является неэффективной и не способна повлиять на устранение культурной дистанции.

С. Хантингтон пишет, что существует мнение, согласно которому единую мировую культуру формирует информация, которой обмениваются нации в процессе торговых взаимодействий, туризма, взаимных инвестиционных вложений, то есть в процессе международного общения. Автор доказывает несостоятельность этой точки зрения, приводя конкретные исторические примеры и ссылаясь на то, что нации способны сначала плодотворно сотрудничать друг с другом, а затем уничтожать друг друга в войнах (*Хантингтон, 2003, С. 34-36*).

До распада биполярной системы международных отношений в 1991 году многие люди считали, что существуют только две влиятельные идеологии – коммунистическая и либеральная, которой придерживались на Западе. После распада Советского Союза возникло предположение, что теперь сложится единая общемировая культура, построенная на принципах либеральной демократии западных стран. Однако после развала биполярной системы международных отношений стало очевидным, что существуют и другие влиятельные идеологические течения и неправильно полагать, что носители азиатских и мусульманских ценностей начнут проникаться моральными устоями Запада и отказываясь от своих, тем самым сокращая культурную дистанцию.

Американский специалист указывает на то, что менее развитые нации склонны перенимать культурные ценности более развитых наций, поскольку они считают, что если станут руководствоваться их моральными принципами, то будут в состоянии добиться схожего уровня экономического и политического развития.

Подобный подход должен положительным образом влиять на сокращение культурной дистанции, однако историческая ретроспектива демонстрирует, что в случае, если менее развитые державы с течением времени становятся влиятельными, они начинают утверждать, что достигли успеха благодаря вере в собственные идеалы и начинают активно критиковать культурные ценности тех государств, на которые они ровнялись. Как итог, культурная дистанция между ними снова становится значительной, а уровень взаимной интолерантности возрастает (*Хантингтон, 2003, С. 54*).

Альтернативным вариантом цивилизационного подхода выступает концепция мультикультурализма, главными идеологами которой являются канадские философы Ч. Тэйлор и У. Кимлики и американский политолог Ч. Кукатас, работавшие над ней в 1990-х годах.

Согласно У. Кимлику, концепция мультикультурализма базируется на демократических принципах, обеспечивающих защиту интересов иностранных граждан и влияющих положительным образом на дальнейшее развитие общества того или иного государства (*Кимлика, 2007, С. 77*).

Ч. Тэйлор утверждал, что смысл понятия мультикультурализма заключается в том, что оно представляет собой стремление культурных меньшинств бороться за равноправие в обществе и, чтобы при этом местные жители признавали их индивидуальность (*Taylor, 1992, P. 52*).

Ч. Кукатас выделял несколько вариантов возможной реакции общества на интеграцию иностранцев в их культуру (*Кукатас, 2009*).

1) Вариант «мягкого» мультикультурализма, в соответствии с которым общество не выступает против ассимиляции иностранных граждан, а скорее поддерживает данное явление. Правительство страны-реципиента предоставляет меньшинствам права, являющиеся равными правам остальной части общества, и не пытается влиять на самобытность новой культурной группы.

При полноценном применении данного варианта происходит бесконфликтное сокращение уровня культурной дистанции, а общество характеризуется наличием высокого уровня толерантности между коренным населением и иностранными гражданами.

2) Принцип «жесткого» мультикультурализма, строящийся на идеи о том, что принимающее общество и правительство будут оказывать поддержку малочисленным культурным группам. Но в отличие от предыдущего варианта правительства стран-реципиентов должны проводить конкретные мероприятия по повышению уровня толерантности коренного населения к меньшинствам, а не ограничиваться лишь моральной поддержкой, допускаемой в случае применения «мягкого» мультикультурализма.

3) Изоляционистский вариант. По мнению Ч. Кукатаса, возникновение рассматриваемого варианта является наиболее вероятным. Изоляционизм предполагает стремление национального правительства и общества в целом не допустить миграцию на территорию их государства. Это желание обуславливается различными причинами, например, опасением привилегированных социальных слоёв лишиться своего выгодного положения в обществе в случае появления новых культурных групп. Но главная причина состоит в том, что государство боится резкого изменения социальной структуры общества в связи с притоком иностранных граждан.

При данном раскладе коренное население склонно проявлять интолерантное отношение к мигрантам, что прямым образом влияет на сохранение между ними высокой культурной дистанции.

4) Вариант ассимиляторства, предполагающий предоставление иностранным гражданам возможности миграции на территорию их страны, правительство при этом осуществляет внутреннюю политику, направленную на ассимиляцию данных иностранцев (лишение их культурных групп отличительных черт).

В этом случае культурная дистанция между коренным населением и иностранными гражданами со временем сокращается, однако подобное сокращение связано не с достижением высокого уровня толерантного отношения друг к другу, а с утратой мигрантскими группами своих культурных особенностей.

5) Вариант апартеида, при котором государство не выступает против миграции иностранных граждан, но выступает против их ассимиляции. Указанное явление характеризуется этнической и культурной дифференциацией общества.

При апартеиде проявляется максимальный уровень интолерантного отношения между титульной нацией государства и иностранцами, чьи человеческие права притесняются, вплоть до физического воздействия.

Английский психолог Дж. Берри продолжил изучение феномена культурных границ и в 1997 году представил своё исследование, в котором провёл анализ особенностей этого явления (*Berry, 1997, P. 14-17*). Дж. Берри подчёркивал, что наличие

культурных границ вынуждает мигранта изменять свои моральные убеждения в соответствии с новыми культурными условиями. Индивиду необходимо провести глубинное исследование культуры, принимающего его государства. Данные границы осложняют процесс социализации и налаживания личных взаимоотношений. Наличие культурной дистанции способно влиять на возникновение конфликтных ситуаций между представителями разных культур.

В XXI веке проблематика феномена культурной дистанции и её влияния на уровень толерантности между людьми разных культурных групп не потеряла своей актуальности.

В 2003 году психолог С. Бочнер пришёл к выводу, что понятия культурной дистанции и культурных границ тесно связаны с понятием культурного шока, подразумевающего, что при попадании в незнакомую культуру иностранец испытывает чувство сильной тревоги, поскольку он лишается обыденных для него проявлений социокультурного взаимодействия (*Bochner, 2011, P. 6-7*).

Поскольку указанные понятия имеют тесную взаимосвязь, проанализировав причины, влияющие на возникновение состояния культурного шока, можно провести аналогию и объяснить формирование явления культурной дистанции. Было отмечено несколько подобных причин, формирующих культурную дистанцию: во-первых, между иностранцами и гражданами страны-реципиента возникает конфликт ценностей, основанный на взаимном непонимании культурных установок друг друга. Это непонимание способно привести к формированию низкого уровня толерантности со стороны принимающего государства по отношению к иностранному гражданину. Во-вторых, культурная дистанция формируется из-за слабо развитых социальных способностей отдельных индивидов, которые испытывают больше проблем в процессе адаптации. В подобной ситуации человек начинает придерживаться этноцентризма, то есть рассматривать новые обстоятельства своей жизни через призму моральных норм родной культуры и отказываться принимать культурные особенности чужой страны. В-третьих, культурный шок так же, как и культурная дистанция в состоянии возникнуть из-за нежелания представителей принимающей стороны помочь иностранцам с процессом адаптации (*Путерова, 2014, С. 8-9*). Возникновение подобной ситуации напрямую свидетельствует о низком уровне толерантности в принимающем иностранца обществе.

В процессе изучения рассматриваемого феномена представители западной общественной мысли пришли к выводу, что культурная дистанция является измеримой величиной и существует несколько подходов к её измерению.

С целью анализа того, насколько культурные и социальные аспекты страны-хозяйки отличаются от родины иностранца основатели рассматриваемого понятия И. Бабицер, Дж. Кокс и П. Миллер ещё в 1980 году разработали «индекс культурной дистанции», базирующийся на таких категориях, как языковые особенности, религиозная составляющая и климатические условия (*Bochner, 2011, P. 117*). Указанный вид исследования предполагал дифференциацию мигрантов на несколько групп в зависимости от степени близости их культуры с культурой принимающего государства, после чего происходил анализ отличий между ними по ранее изложенным категориям. По итогу работу И. Бабицер, Дж. Кокс и П. Миллер доказали справедливость их теории о культурной дистанции и границе, поскольку оно продемонстрировало, что количество различий в культурах принимающего и родного государства напрямую влияет на объём затруднительных ситуаций, с которыми иностранец может столкнуться в повседневной жизни, а также на уровень интолерантности, возникающей по отношению к иностранному гражданину.

В XXI веке были разработаны альтернативные способы измерения культурной дистанции.

В 2009 году учёные И. Сюанет и В. Вивер отметили, что культурная дистанция может измеряться на основе таких составляющих, как внутренний валовой продукт, моральные ценности и пропорции неравномерности распределения доходов среди населения. Культурная дистанция также может быть измерена посредством применения классификации Г. Хофстеде, которая учитывает следующие параметры: сила воли, рациональное мышление и отдалённость от правящего режима (*Suanet, 2009, P. 185-187*).

По мнению эксперта в области межнационального взаимодействия Р. Льюиса, имеющиеся на данный момент культуры делятся на три вида: во-первых, моноактивные культуры, к которым относятся американская, английская и немецкая нация. Особенность этой культуры состоит в том, что её представители считают важным планирование своей жизни, ценят организованность и пунктуальность. Во-вторых, полиактивные культуры, представителями которых являются латиноамериканские, арабские и южноевропейские народы. Указанная культура характеризуется активным, эмоциональным поведением, отсутствием чёткого плана на жизнь, спокойным отношением к необходимости выполнять несколько задач одновременно. В-третьих, реактивные культуры, к которым принадлежат азиатские народы (японцы, китайцы) и скандинавы. Главные ценности данной культуры – это уважение и вежливость. Она отличается уравновешенностью и осторожностью (*Льюис, 2001, С. 227*).

Как подчёркивает Р. Льюис, представителям разных культур не всегда удаётся наладить плодотворное сотрудничество, поскольку им трудно принять ментальные особенности друг друга. С целью снижения риска возникновения конфликтных ситуаций между ними международное сообщество разработало общие нормы и правила поведения. Однако они не гарантируют полного исключения культурного фактора из международного общения (*Льюис, 2001, С. 228*).

В российской этносоциологии также занимаются изучением феноменов культурной дистанции и культурных границ, и их влияния на измерение толерантности.

В 1993 году психолог и социолог Н.М. Лебедева впервые применила понятия культурной дистанции и культурных границ в российской этнопсихологической науке на примере адаптации представителей русского народа к культурам стран, образовавшихся после распада Советского Союза. В отличие от своих британских коллег Н.М. Лебедева пришла к выводу, что наличие условий, при которых присутствует значительная культурная дистанция, не свидетельствует о том, что индивид в обязательном порядке столкнётся с негативным отношением к нему со стороны местного населения, то есть интолерантностью (*Лебедева, 1993, С. 71-72*). Явления культурной дистанции и культурных границ влияют на трансформацию некоторых социальных индикаторов, таких как количество положительных заимствований из культуры другого этноса, восприятие конкретным человеком культурно-психологической схожести, количество одинаковых черт с людьми, относящихся к иным группам того же этноса. По мнению Н.М. Лебедевой, понятие «культурная дистанция» трактуется, как понимание людьми того, что культуры отличаются друг от друга по определённым критериям (*Лебедева, 1993, С. 75-78*).

В 2004 году российский социолог А.М. Татарко подчёркивала, что в случае, если культурные особенности принимающей страны отличаются от культурных особенностей государства иностранца, то велика вероятность, что у него начнут проявляться признаки психологической защиты, которая способна отрицательно повлиять на его взаимодействие с местным населением (*Татарко, 2004, С. 52-56*). В россий-

ской этносоциологии проблемы культурной дистанции и её измерения изучали в меньшей степени, чем в зарубежной.

Говоря о культурной дистанции и культурных границах, важно отметить, что данная проблематика в международных отношениях не разработана, однако примеры наличия такой дистанции существуют. Также эти феномены характеризуются многогранностью и наличием нескольких уровней их анализа и практической политики, которые можно разделить следующим образом:

- 1) Межличностное взаимодействие;
- 2) Взаимодействие различных государств;
- 3) Взаимодействие цивилизаций.

Первый уровень анализа и практической политики получил свою актуальность после распада биполярной системы международных отношений в 1992 году, в Европейском союзе. В этот же период данное интеграционное объединение взяло концепцию мультикультурализма за основу своей миграционной политики.

В 1990-х годах в страны ЕС начали массово мигрировать граждане восточноевропейских и африканских государств (*Малахов, 2002, С. 52*). Евросоюз ожидал, что уже в скором времени концепция мультикультурализма начнёт демонстрировать свою эффективность и культурная дистанция между иностранцами и принимающими странами-участниками Европейского союза в значительной степени сократиться, а уровень толерантности повыситься. На практике данная концепция не показала ожидаемых результатов, а проблема наличия культурных границ не утратила своей остроты.

Как подчёркивает бывший мэр немецкого округа Берлин-Нойкельн Х. Бушковски, несмотря на созданные для иностранных граждан условия, представители арабских государств, проживающие в Германии, не желают получать образование, изучать местные традиции и язык, то есть не стремятся к интегрированию в немецкое общество. Иностранцы, представляющие старшее поколение, внушают детям, что немцы представляют для них опасность. В результате культурная дистанция не только не сокращается, но и становится более весомой, а концепция мультикультурализма демонстрирует свою слабую эффективность. При этом складывается специфическая ситуация, при которой целые группы мигрантов, проживающие в европейских странах, стали менее толерантно относиться к местному населению (*Bushkovky, 2012, P. 54-55*).

Как итог, в 2010 году канцлер Германии Ангела Меркель заявила о провале политики мультикультурализма (*BBC News, 2010*).

Неэффективность концепции мультикультурализма вновь подтвердилась во время миграционного кризиса Европейского союза 2015 года, когда из-за ряда политических причин в государства данного интеграционного объединения мигрировали приблизительно два миллиона человек, преимущественно являвшихся представителями ближневосточных и африканских стран. Обусловлено это было тем, что европейские страны, обладающие высоким уровнем экономического развития и имеющие либеральное миграционное законодательство, стали наиболее предпочтительным вариантом для переселения в них. Европейский Союз не был готов к подобному миграционному потоку и не сумел обеспечить грамотное распределение мигрантов.

По мнению российского историка и политолога О.П. Бибиковой, одним из самых резонансных событий в ходе обозначенного кризиса стали беспорядки в немецком городе Кёльн. Во время новогодних гуляний сирийские, иракские граждане, а также представители некоторых североафриканских народов напали на женщин и занимались сексуальным домогательством, которое привело к тому, что были изнасилованы две девушки. Эти события отрицательно повлияли на толерантное отно-

шение европейцев к иностранцам, что в полной мере подтверждается активизацией националистического движения в Европе (Бибикова, 2016, С. 68-69).

Подобное поведение иностранцев было обусловлено наличием культурной дистанции. Представители ранее указанных народов являются последователями мусульманского вероисповедания. В исламе мужчины занимают более привилегированное положение в обществе, чем женщины. Анализируя ситуацию с сексуальными домогательствами, которые совершали представители мусульманского вероисповедания по отношению к европейским женщинам, важно обратить внимание на тот факт, что, во-первых, согласно Корану женщины имеют право демонстрировать свою красоту только мужу и самым близким родственникам. Во-вторых, мужья имеют право сокрыть внешность своих жён от внимания других мужчин. По этой причине в мусульманских странах является нормой, когда женщины носят хиджаб. Как отмечал имам исламской мечети в Кёльне, европейские женщины были сами виноваты в том, что мусульманские мужчины совершали акты сексуального насилия по отношению к ним, поскольку они были слишком откровенно одеты и пользовались духами. Сириец С. Адель, давно живущий в Европе, указывал на то, что для новых мигрантов наличие даже небольшого участка на теле девушки, неприкрытого одеждой, воспринимается как призыв к интимной близости (Artus, 2016).

В данном примере наглядно демонстрируется проявление культурной дистанции и границы между представителями разных народов. Носителям мусульманских ценностей не хватило времени для того, чтобы осознать и принять нормы и особенности общества, которое живёт по иным правилам. В результате возникла ситуация, что люди, обладающие европейским менталитетом, восприняли поведение мигрантов, как крайне неподобающее и стали относиться к ним менее толерантно, в то время как определённая часть мусульманского мира оправдывала их поведение. Культурная дистанция, проявившаяся в указанном инциденте, оказала влияние на международные отношения, так как страны-члены Европейского Союза начали более активно взаимодействовать между собой в целях урегулирования миграционного кризиса, а также стали ужесточать миграционное законодательство своих государств.

В 2017 году специалист ИМЭМО РАН Г. А. Монусова провела исследование, показавшее, что больше всего опасается за утрату своей национальной идентичности коренное население Германии, Нидерландов, Норвегии и др. Для чехов, эстонцев и поляков больше, чем для остальных национальностей, проживающих на территориях стран-участниц ЕС важно, чтобы мигранты придерживались вероисповедания, последователями которого являются они (христианство). К мигрантским группам, подходящих под этот критерий, представители указанных народов имеют более толерантное отношение, поскольку между ними меньшая культурная дистанция (Монусова, 2017).

В 2019 году правительство Швеции официально опубликовало статистику, отражившую, что за последние годы увеличилось количество преступлений, совершаемых мигрантами. Шведские власти подчеркнули, что рост мигрантской преступности не связан с культурными или этническими факторами, отмечая, что он обусловлен социально-экономическими проблемами такими как безработица, низкий уровень образовательных организаций и т.п. На самом деле, фактом является то, что в Швеции один из самых низких уровней безработицы в Европе, а шведское образование считается одним из самых лучших в Европейском Союзе. Несложно предположить, что в основе преступлений, совершаемых шведскими мигрантами, лежат именно культурные противоречия, имеющиеся между ними и коренным населением. Как пример, согласно статистическим данным, представленных Швецией, число преступ-

лений, имеющих сексуальный характер, в период с 2013 по 2016 год увеличилось в пять раз. Роль культурного фактора, влияющего на совершение обозначенных преступлений, была описана ранее на примере Германии (*Рамблер Новости, 2019*).

Описанные примеры, в которых раскрывается степень влияния культурной дистанции и культурных границ на народы, государства и международные отношения в целом, связаны с деструктивными последствиями. С целью более глубокого анализа заявленной проблемы следует привести пример, когда фактор значительной культурной дистанции между народами был преодолен и не повлиял на формирование взаимной интолерантности.

В качестве показательного примера преодоления культурной дистанции можно привести внутреннюю политику Канады, являющейся многокультурной страной. В данном государстве нет титульной нации, канадцами считаются представители любых этносов при условии наличия у них канадского гражданства. Несмотря на проживание в стране людей разных национальностей, на её территории практически не возникают конфликты, обусловленные культурными противоречиями между народами. Связано это с грамотной внутренней политикой Канады, направленной на сокращение уровня культурной дистанции между людьми. Так, например, в течение года в этом североамериканском государстве проходят многочисленные национальные фестивали, организуемые представителями разных наций. Цель подобных фестивалей заключается в том, чтобы люди стали лучше осознавать культурные ценности и обычаи других этносов. Единственным очагом сепаратистского движения является провинция Квебек, которая исторически более близка к Франции и где большинство людей разговаривают на французском. Несмотря на это, на последнем референдуме в 1995 году большинство жителей Квебека выступили за то, чтобы остаться в составе Канады. Кроме того, между жителями указанной провинции и федеральным центром не происходит вооружённых столкновений, что свидетельствует о том, что сложившаяся ситуация является некритичной (*Треглазова, 2012, С. 3-4*).

Как итог, канадское общество характеризуется наличием высокого уровня толерантности среди его представителей, а сама Канада на сегодняшний день является одной из самых развитых экономических стран и крайне привлекательным местом для мигрантов (*Нохрин, 2012, С. 132-137*).

Рассмотрим второй уровень анализа феноменов культурной дистанции и границ, связанный с взаимодействием государств.

По мнению американского политолога и социолога С. Хантингтона, после складывания однополярного миропорядка с ведущей ролью в нём Соединенных Штатов, появилась тенденция к тому, что государства, имеющие похожие культуры, всё чаще стали сокращать имеющуюся между ними культурную дистанцию, повышать уровень взаимной толерантности и объединяться (*Хантингтон, 2003, С. 75*). В свою очередь, страны, обладающие разными культурными ценностями, наоборот стали нацелены на дезинтеграцию. Автор подчёркивает, что в современных реалиях политические рамки государств видоизменяются для того, чтобы совпасть с культурными.

Американский специалист приводит конкретные примеры влияния культурной дистанции и культурных границ на международные отношения. Такие государства, как Швеция, Финляндия и Австрия по своим культурным особенностям ближе к Западу, но в период холодной войны они заняли нейтральную позицию из-за чего отделились от него и между странами возросла культурная дистанция. После завершения холодной войны указанные державы сразу же начали сближаться с другими европейскими странами и США.

Аналогичный процесс произошёл с государствами бывшего социалистического блока (Чехия, Польша, Словакия, Венгрия), которые продолжительное время находились под влиянием советской власти, вследствие чего в их обществе формировалось интолерантное отношение к Западу. Однако после ослабления влияния СССР данные государства изъявили желание интегрироваться в Европейский Союз и сблизиться с НАТО, так как будучи протестантскими и католическими странами, они в культурном отношении были ближе к указанным объединениям, чем к государствам СНГ. Как итог, культурная дистанция между странами бывшего коммунистического блока и Запада стала сокращаться, а уровень взаимной толерантности увеличиваться.

Похожая ситуация произошла с балканскими странами. После распада Югославии Российская Федерация стала поддерживать Сербию, так как эти государства объединяет православная вера, и жители этих государств в основной массе относятся друг к другу уважительно и толерантно. Германия стала поддерживать хорватское государство, поскольку их объединяет католическое вероисповедание. Мусульманские державы оказали поддержку Боснии и Герцеговине.

После завершения холодной войны у разных в культурном плане Греции и Турции, входящих в состав Североатлантического альянса, пропала необходимость в сотрудничестве, и между ними возобновился конфликт из-за территориальных споров в Эгейском море. Без сдерживающего фактора в лице потенциальной советской угрозы между государствами вновь возрос уровень культурной дистанции и сформировалось интолерантное отношение друг к другу (*Хантингтон, 2003, С. 76-77*).

После распада биполярной системы международных отношений, а в частности СССР, такие государства, как Беларусь и Украина проявили желание установить дружественные отношения с Российской Федерацией, что было обусловлено общностью культур. Мусульманские страны, входившие в состав Советского Союза, начали сблизиться с другими странами, где исповедуют ислам (Саудовская Аравия, Иран и т.д.).

Европейский Союз на протяжении уже не одного десятилетия не стремится принимать в свои ряды Турцию и Боснию, и Герцеговину. Обусловлено это нежеланием ЕС, где все страны являются христианскими, включать в свой состав мусульманские государства из-за высокого уровня культурной дистанции между ними и не самого толерантного отношения друг к другу.

Как отмечает С. Хантингтон, во многом создание влиятельного интеграционного объединения Латинской Америки «Меркосур» стало возможным из-за общности культур государств данного региона и наличия между ними не столь значительной культурной дистанции (*Хантингтон, 2003, С. 76-77*).

Цивилизационный уровень анализа феноменов культурной дистанции и культурных границ связан с цивилизационными разломами, представляющими собой конфликты цивилизаций, имеющих разные культурные ценности. Наличие подобной конфронтации обуславливает возникновение между ними значительной культурной дистанции и повышение уровня взаимной интолерантности.

В начале XXI века особенно стал актуален конфликт Запада и Исламского мира, прежде всего, речь идёт о противостоянии носителей западных ценностей с радикальными исламистами, по мнению которых представители Запада являются «неверными» из-за своих моральных ориентиров.

В качестве проявления противостояния Западного и Исламского мира стоит вспомнить теракт 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, по официальной версии организованный участниками запрещённой в РФ террористической организации «Аль-Каида», пропагандирующей идеи ваххабизма. Данное событие спровоцировало пра-

вительство США на организацию боевых действий в Афганистане, которые не прекратились по состоянию на сегодняшний день, и в ходе которых гибнут невинные люди. В результате цивилизационный разлом между Западом и Исламским миром становится только сильнее, а уровень взаимной интолерантности между ними продолжает расти (*Хантингтон, 2003, С. 85*).

Таким образом, можно сказать, что явления культурной дистанции и культурных границ начали активно изучаться в последней четверти XX века.

Фактор культурной дистанции оказывает весомое влияние на формирование интолерантного отношения к иностранцам со стороны принимающего государства. Проблематика влияния культурной дистанции на международные отношения является не разработанной с научной точки зрения, однако существуют примеры реального наличия данной дистанции, оказывающей существенное влияние на качество взаимодействия различных культурных групп. Анализ показал, что в большинстве случаев наличие культурной дистанции и культурных границ непосредственно обуславливает снижение уровня толерантности между носителями разных традиций и имеет негативные последствия для людей с противоположными ценностями.

Феномены культурной дистанции и культурных границ характеризуются своей многогранностью и наличием конкретных уровней их анализа:

- Межличностное взаимодействие;
- Взаимодействие различных государств;
- Взаимодействие цивилизаций.

Наиболее ярким примером влияния феноменов культурной дистанции и культурных границ на международные отношения в контексте первого уровня их анализа стали миграционные проблемы Европейского союза, возникшие после распада биполярной системы международных отношений, в особенности они проявились во время миграционного кризиса 2015 года, когда в странах Европейского Союза на регулярной основе начали происходить столкновения между мигрантами и коренным населением из-за наличия у них разных культурных норм.

Однако Канада, на территории которой мирно проживает множество разных народов, является примером успешного преодоления культурной дистанции и культурных границ и снижения уровня взаимной интолерантности. Главным механизмом преодоления культурной дистанции и формирования толерантного отношения выступает грамотная внутренняя политика правящей власти Канады.

Примером влияния феноменов культурной дистанции и культурных границ на международные отношения в контексте второго уровня анализа стала мировая политическая ситуация, возникшая после распада биполярной системы международных отношений в 1991 году, когда преимущественно европейские государства, начали активно сближаться с теми странами, которые были более близкими для них в культурном плане, но к которым у них ранее было интолерантное отношение, возникшее из-за давления на них со стороны двух сильнейших идеологических блоков, возглавляемых СССР и США.

Примером третьего уровня анализа изучаемых феноменов служит идеологическое противостояние между Западным и Исламским миром, имеющее долгую историю противостояния, но особенно обострившееся в начале XXI века. Подобное противостояние также характеризуется наличием значительной культурной дистанции между представителями разных цивилизаций и их интолерантным отношением друг к другу.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS**Немцева Олеся Владимировна**

Студент

Факультет истории, мировой политики и социологии,

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

E-mail: nemtsevaol1999@gmail.com

Nemtseva Olesya Vladimirovna

Student

Faculty of History, World Politics and Sociology,

Derzhavin Tambov State University

E-mail: nemtsevaol1999@gmail.com

Михайлов Игорь Владимирович

Кандидат исторических наук,

Факультет истории, мировой политики и социологии,

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

E-mail: m.i.v.2000@mail.ru

Mikhailov Igor Vladimirovich

Candidate of Historical Sciences,

Faculty of History, World Politics and Sociology,

Derzhavin Tambov State University

E-mail: m.i.v.2000@mail.ru

Гузенина Светлана Валерьевна

Доктор социологических наук,

Факультет истории, мировой политики и социологии,

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

E-mail: dialog-lana@yandex.ru

Guzenina Svetlana Valeryevna

Doctor of Sociological Sciences,

Faculty of History, World Politics and Sociology,

Derzhavin Tambov State University

E-mail: dialog-lana@yandex.ru

Литература

1. Библикова О.П. Миграционный кризис 2015 г. в Европе и его последствия // Актуальные проблемы Европы. 2016. С. 61-81.

2. До Европы дошел масштаб совершаемых мигрантами преступлений (2019). Режим доступа: <https://news.rambler.ru/other/43207775-do-evropy-doshel-masshtab-sovershaemyh-migrantami-prestupleniy/>.

3. Кимлика У. Политики на местном языке: национализм, мультикультурализм, гражданство // Дискурс-Пи. 2007. С. 71-82.

4. Кукутас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. М., 2009.

5. Лебедева Н.М. Социальная психология миграций. М.: Институт этнологии и антропологии, 1993. 195 с.

6. Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М: Дело, 2001. 448 с.

7. Малахов В. С. Мультикультурализм и трансформация постсоветских общностей // М: Институт этнологии и антропологии РАН. 2002. 356 с.

8. Моусова Г. А. Что думают о мигрантах в Европе // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (2017). Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/204070771.html>.

9. BBC News (2010). Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed.

10. Нохрин И. М. Общественно-политическая мысль Канады и становление национального самосознания (последняя треть XIX — начало XX вв.): автореф. дис. ... кандидата исторических наук. Челябинск, 2011.

11. Питерова А. Ю. Культурный шок: особенности и пути преодоления // Наука. Общество. Государство. 2014. С. 1-14.

12. Татарко А.Н. Взаимосвязь этнической идентичности и психологических стратегий межкультурного взаимодействия: автореф. дис. ... кандидата исторических наук. Москва, 2004.

13. Треглазова Е.В., Исаков Н.В. Квебекский сепаратизм как проблема канадской федерации // Социально-гуманитарные знания. 2012. С. 1-7.

14. Хантингтон С. Ф. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.

15. Artus C. Pour l'imam de Cologne, les Allemandes l'ont bien cherché // Boulevard Voltaire, 2016.

16. Babiker, I., Cox, J., Miller, P. The measurement of cultural distance and its relationship to medical consultation, symptomatology, and examination performance of overseas students of Edinburgh University // *Journal of Social Psychiatry*. 1980. №.15. P. 109-116.
17. Bochner S. *Culture Shock Due to Contact with Unfamiliar Cultures* // Psychology and Culture. The Berkeley Electronic Press. 2011. P. 37.
18. Bushkovky H. *Neuköllnistüberall* // Berlin: Ullstein. 2012.
19. John W. Berry. *Immigration, Acculturation, and Adaptation* // *Applied psychology: an international review*. 1997. P. 5-68.
20. Suanet, I., & van de Vijver, F. J. R. Perceived cultural distance and acculturation among exchange students in Russia // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2009. P. 182-197.
21. Taylor Ch. *Multiculturalism and the «Politics of Recognition»*. NJ: Princeton, Princeton University. 1992. 162 p.

References

1. Bibikova, O. P. (2016). Migration crisis of 2015 in Europe and its consequences. *Actual problems of Europe*, P. 61-81.
2. Rambler News (2019). Available at: <https://news.rambler.ru/other/43207775-do-evropy-doshel-masshtab-sovershaemyh-migrantami-prestupleniy/>.
3. Kymlicka, W. (2001). *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship*. Oxford University Press, P. 71-82.
4. Kukatas, Ch. (2009). *Theoretical Foundations of Multiculturalism*.
5. Lebedeva, N. M. (1993). *Social psychology of migrations*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology.
6. Lewis. R. (2001). *Business Cultures in International Business. From collision to mutual understanding*. M: Delo.
7. Malakhov, V. S. (2002). *Multiculturalism and transformation of post-Soviet communities*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.
8. Monusova, G. A. (2017). What do they think about migrants in Europe. *National Research University "Higher School of Economics"* (2017). Access mode: <https://iq.hse.ru/news/204070771.html>.
9. BBC News (2010). Available at: https://www.bbc.com/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed.
10. Nokhrin, I. M. (2011). *Socio-political thought of Canada and the formation of national self-consciousness (the last third of the XIX-beginning of the XX centuries)*. (Doctoral Dissertation, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk).
11. Piterova, A. Yu. (2014). Cultural shock: features and ways to overcome it. *The science. Society. State*, P. 1-14.
12. Tatarko, A. N. (2004). *Interrelation of ethnic identity and psychological strategies of intercultural interaction*. (Doctoral Dissertation, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow).
13. Treglazova, E. V., Isakov N. V. (2012) Quebec separatism as a problem of the Canadian Federation. *Social and humanitarian knowledge*. P. 1-7.
14. Huntington, S. F. (2003). *Clash of civilizations*. Moscow: AST.
15. Artus, C. (2016). *Pour l'imam de Cologne, les Allemandes l'ont bien cherché*. Boulevard Voltaire.
16. Babiker, I., Cox, J., Miller, P. (1980). The measurement of cultural distance and its relationship to medical consultation, symptomatology, and examination performance of overseas students of Edinburgh University. *Journal of Social Psychiatry*, No. 15, P.109-116.
17. Bochner, S. (2011). *Culture Shock Due to Contact with Unfamiliar Cultures*. Psychology and Culture. The Berkeley Electronic Press.
18. Bushkovky, H. (2012). *Neuköllnistüberall*. Berlin: Ullstein.
19. Berry, J. (1997). *Immigration, Acculturation, and Adaptation*. *Applied psychology: an international review*, P. 5-68.
20. Suanet, I., van de Vijver, F. J. R. (2009). Perceived cultural distance and acculturation among exchange students in Russia. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, P. 182-197.
21. Taylor, Ch. (1992). *Multiculturalism and the «Politics of Recognition»*. NJ: Princeton, Princeton University.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

УДК 314.04

**Социально-экономические факторы демографической безопасности
российских регионов в постпандемической реальности****А.В. Верещагина***Южный федеральный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация: Современный мир в условиях глобализации уже не может развиваться вне ее логики, которая определяет взаимозависимость всего мирового сообщества и всех социальных сфер. Демографические процессы также подвержены глобальным влияниям, что продемонстрировала ситуация с пандемией коронавируса. Эта ситуация вызвала всемирный социально-экономический кризис, и теперь демографическое прогнозирование невозможно вне учета той стороны социально-экономических отношений, которые обнаружили свою нестабильность, неустойчивость, неадаптированность к такого рода явлениям всемирного масштаба.

Ключевые слова: демографическая безопасность; пандемия коронавируса; социально-экономическое развитие; постпандемическая реальность.

Для цитирования: Верещагина А.В. Социально-экономические факторы демографической безопасности российских регионов в постпандемической реальности // Caucasian Science Bridge. 2020, Т. 3. №4 (10). С. 50-54.

**Socio-economic factors of demographic security of Russian regions
in the post-pandemic reality****Anna V. Vereshchagina***Southern Federal University**Rostov-on-Don, Russia*

Abstract: The modern world in the context of globalization can no longer develop outside of its logic, which determines the interdependence of the entire world community and all social spheres. Demographic processes are also subject to global influences, as demonstrated by the situation with the coronavirus pandemic. This situation has caused a global socio-economic crisis, and now demographic forecasting is impossible without taking into account the side of socio-economic relations that have revealed their instability, instability, and lack of adaptation to such phenomena on a global scale.

Keywords: demographic security; coronavirus pandemic; socio-economic development; post-pandemic reality.

For citation: Vereshchagina A.V. Socio-economic factors of demographic security of Russian regions in the post-pandemic reality // Caucasian Science Bridge. 2020, Vol. 3. №4 (10). P. 50-54.

Пандемия COVID-19, изменившая весь мир, поставившая массу проблем и вопросов, начиная с вечно 2020 года, обозначила новое направление в научно-исследовательском дискурсе, связанное с осмыслением не столько настоящих реалий современного общества, сколько его будущего, которое, как представляется, уже не будет прежним. И даже в допандемическом мире остро стояла проблема уверенности в завтрашнем дне, формирования длительных жизненных проектов, прогнозирования тех или иных жизненных путей и стратегий, социальных процессов, но пандемия коронавируса выявила новый пласт проблем и аспектов, моментально попавших в поле зрения ученых самых разных гуманитарных направлений: экономистов, философов, социологов, политологов, психологов и др. Но какие бы ни поднимались проблемы на уровне научной и общественной дискуссии, все они в той или иной мере связаны с факторами социально-экономического плана, поскольку пандемический кризис выявил в качестве ключевой доминанты экономическую. Несмотря на всепроникающий характер влияния пандемии коронавируса, затронувшей абсолютно все жизненно важные социальные институты и сферы жизнедеятельности общества,

именно экономический кризис, не считая самой важной проблемы – угрозы жизни населению, стал определяющим в жизнедеятельности мирового сообщества.

Надо согласиться с мнением исследователей о том, что связанный с пандемией коронавируса мировой кризис значительно ускорит социальные, экономические и геополитические процессы и проверит на прочность мировую финансовую систему (Обижаева, 2020). Но не только финансовую. Кризис мировой экономики обозначил критические сюжеты в развитии не только экономической системы, но и всей системы жизнедеятельности, определив реперные точки развития социальной сферы и триумфальное шествие цифровой эпохи, цифровой экономики (Коровкин, 2020). И кризис в экономике потянул за собой массу других проблем в самых различных сферах социальной жизни, обострив ситуацию и в сфере труда, и в области социального самочувствия населения. Последнее не могло не сказаться на репродуктивных установках населения, его демографическом поведении, которое естественным образом детерминировано уровнем доходов и материального благополучия, стабильностью экономического положения социальных и профессиональных групп. Разрушение устоявшегося социально-экономического уклада, который, как показала ситуация с пандемией COVID-19, не готов к функционированию в подобных условиях, при всем том, что человечество не впервые переживает подобные ситуации. Тем не менее, управляемость социальными процессами, как и в прежние времена, вновь вызывает вопросы. И теперь уже очевидно, что период пандемии стал рубежным для всего мирового сообщества. История человеческой цивилизации получила еще одну точку отсчета – пандемия COVID-19 (Иванов, 2020).

Если говорить о российском обществе, то пандемия COVID-19 сверх актуализировала социально-экономические аспекты функционирования социальной сферы. И до пандемии угрожавшие безопасности российской экономики низкие темпы экономического роста, высокая энергозависимость российского экономического сектора, высокая технологическая отсталость индустриального сектора и другие экономические проблемы (Ускова, 2019) стали еще более очевидными перед лицом мирового экономического кризиса в условиях пандемии коронавируса и поставили жестко вопросы о перспективах дальнейшего развития как экономической сферы, так и других сфер, ответственных за воспроизводство человеческого потенциала. И, безусловно, демографическая сфера попала в фокус внимания, ведь, от ее состояния и перспектив развития зависят все остальные сферы и подсистемы общества, все реалии и тенденции постпандемического мира.

В демографическом развитии, в том числе в кризисных проявлениях, российское общество, в целом, соответствует тенденциям современного мира (Сеньшин, 2020), который совершил демографический переход, столкнувшись с проблемой демографического спада. Демографическое будущее России и без того вызывало бурные дискуссии со стороны экспертов, специалистов в области демографического прогнозирования (Маевский, 2018), однако, ситуация коронавирусной пандемии начала 2020 года придала новый оттенок научной дискуссии, поскольку опыт предыдущих эпидемий со всей очевидностью демонстрирует сокращение рождаемости примерно на 15-25%.

Опасения относительно перспектив демографического развития России далеко не надуманы, если учесть, что в 2019 году был побит рекорд по естественной убыли населения страны за последние 11 лет (Коронавирус толкает..., 2020) при всем том, что, по мнению исследователей, предпринятые на уровне государственной политики меры имели положительные последствия на протяжении этого десятилетия (Рыбаковский, 2017).

Ситуация с пандемией COVID-19 значительно осложнила прогнозные сценарии. Ее социально-экономические последствия настолько серьезны, настолько масштабны, что можно прогнозировать перемены не только в функционировании экономической системы, но и всей системы жизнедеятельности социума. В его постпандемическое будущее уже пытаются заглянуть ученые, осознающие глобальные перемены в сознании современного общества, которое не выйдет прежним из коронавирусной страницы человеческой истории (*Иванов, 2020*). И демографической сферы постпандемического мира эти перемены не могут не коснуться, поскольку «перезагрузка» сознания, связанная с пониманием крайней нестабильности, неустойчивости, хрупкости современного глобального мира, созданных в нем экономических отношений, экономических систем и рыночных реалий института труда, однозначно «перезагрузит» и модели демографического поведения постпандемического человечества.

Страх перед очередной эпидемией и ее социально-экономическими последствиями, безусловно, отразится на планировании рождаемости в России, на значимости для населения материального стимулирования рождаемости, которая, надо заметить, и не так уж велика в условиях смены семейной парадигмы, т.е. перехода к модели малодетной семьи как доминантной и определяющей семейные стратегии, особенно среди молодежи (*Кикоть, 2018*). В этой связи логичны и объяснимы прогнозы экспертов о пролонгации запланированных до коронавирусной пандемии беременностей (*Коронавирус толкает..., 2020*), особенно с учетом неопределенности временных границ окончания пандемии COVID-19 и нормализации ситуации (экономической, духовной, моральной, эмоциональной), спровоцированной этой пандемией.

Вопросы, которые вызвала пандемия, касаются не только рождаемости. На повестке дня вопрос о том, как пандемия скажется на динамике смертности, на миграционных стратегиях населения, на политике государства в области предотвращения и снижения демографических рисков в перспективе постпандемического развития российского общества.

Для научного сообщества немаловажно задаться вопросом о методологии исследования демографических процессов в условиях современной реальности, о прогнозировании рисков и тенденций демографического развития меняющегося глобального мира, об управлении демографическими процессами в российском обществе с учетом влияния региональных факторов в демографической динамике социума. Хорошо известно, что этнокультурная специфика регионов, сложившиеся у населяющих их народов традиции, обычаи, модели семейного, гендерного и репродуктивного поведения во многом определяют демографический портрет каждого региона и его демографический потенциал.

Для российского общества региональный фактор в его, прежде всего, этнокультурной ипостаси играет ключевую роль в социокультурной динамике и демографической траектории развития. На примере южнороссийского региона этот тезис не раз доказывал свою истинность, когда даже в самые непростые с точки зрения экономической ситуации в стране времена уровень рождаемости в республиках Северного Кавказа продолжал сохраняться на том уровне, который не угрожал демографической катастрофой населяющим данный регион народам, поскольку «интенсивность деторождения определяется, скорее, ценностной базой конкретного общества, нежели уровнем материального благополучия» (*Кавказский демографический..., 2013*). При этом следует учитывать, конечно же, что определенные изменения произошли в данном регионе, и эти изменения говорят о снижении устойчивости се-

мейно-брачных отношений, трансформации семейных ценностей, моделей и стилей семейно-демографического поведения.

Будучи включенными в общероссийское социокультурное пространство, различные регионы страны развиваются в русле объективно заданных социально-экономических, политических, культурных тенденций, но они, преломляясь через социокультурную уникальность регионального пространства, трансформируются в уникальный социокультурный «продукт», в том числе в виде демографических процессов и реалий. Каким будет этот «продукт» в постпандемической реальности, еще предстоит выяснить, социологически замерить и демографически обосновать с учетом этнокультурной характеристики каждого региона, его социокультурного пространства и особенностей социально-экономического развития.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Верещагина Анна Владимировна

Доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
E-mail: anrietta25@mail.ru

Vereshchagina Anna Vladimirovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
E-mail: anrietta25@mail.ru

Литература

1. Обижаева А. Настоящее начало XXI века: как коронакризис проверит на прочность Россию и мир (2020). Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/401651-nastoyashchee-nachalo-xxi-veka-kak-koronakrizis-proverit-na-prochnost-rossiyu-i-mir>
2. Коровкин В. Мировая экономика после коронавируса: перезагрузка? (2020). Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mirovaya-ekonomika-posle-koronavirusa-perezagruzka/>
3. Иванов И. Мир будет другим (2020). Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4326474>
4. Ускова Т.В. Ключевые угрозы экономической безопасности России // Проблемы развития территории. 2019. № 1 (99). С. 7–16.
5. Сеньшин Е. «Естественный прирост нереален» (2020). Режим доступа: https://www.znak.com/2020-01-08/rossiya_vumiraet_ili_optimiziruetsya_pochemu_ubyl_naseleniya_stala_neobratimoy
6. Маевский Д.П., Сигарева Е.П. Региональная дифференциация прогнозной динамики демографических компонентов // Теоретическая экономика. 2018. № 6. С. 96–10.
7. Коронавирус толкает Россию в новую демографическую яму (2020). Режим доступа: https://www.ng.ru/economics/2020-04-20/1_7848_demography.html
8. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Рождаемость населения России и демографические волны // Народонаселение. 2017. № 4. С. 56–66.
9. Кикоть А.С. Микросоциальные факторы влияния на социальную адаптацию молодой семьи в российском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 2. С. 40–44.
10. Кавказский демографический дрейф (2020). Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2013/12/30/kavkazskij_demograficheskij_drejf/

References

1. Obizhaeva A. (2020). The Present Beginning of the XXI Century: How the Coronacrisis Will Test Russia and the World for Strength. Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/401651-nastoyashchee-nachalo-xxi-veka-kak-koronakrizis-proverit-na-prochnost-rossiyu-i-mir>
2. Korovkin V. (2020). The world economy after the coronavirus: reset? Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mirovaya-ekonomika-posle-koronavirusa-perezagruzka/>
3. Ivanov I. The world will be different (2020). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4326474>
4. Uskova T.V. (2019). Key Threats to Russia's Economic Security. *Problems of Territory Development*. No. 1 (99). P. 7-16.

5. Senshin E. "Natural growth is unrealistic" (2020). Available at: https://www.znak.com/2020-01-08/rossiya_vymiraet_ili_optimiziruetsya_pochemu_ubyl_naseleniya_stala_neobratimoy
6. Maevsky D.P., Sigareva E.P. (2018). Regional differentiation of predictive dynamics of demographic components. *Theoretical Economics*. No. 6. P. 96-10.
7. Coronavirus is pushing Russia into a new demographic hole (2020). Available at: https://www.ng.ru/economics/2020-04-20/1_7848_demography.html
8. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. (2017). The birth rate of the population of Russia and demographic waves. *Population*. No. 4. P. 56–66.
9. Kikot A.S. (2018). Microsocial factors of influence on the social adaptation of a young family in Russian society. *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. No. 2. P. 40-44.
10. Caucasian demographic drift (2020). Available at: https://ruskline.ru/analitika/2013/12/30/kavkazskij_demograficheskij_drejf/

Поступила в редакцию

8 ноября 2020 г.

Информация для авторов

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным теоретическим и практическим проблемам в области исследования макрорегиона Большого Кавказа в системе государственных и региональных образований евразийского пространства, включающего Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион. Также предполагается возможность публикации в данном издании исследований, ориентированных на изучение актуальных проблем развития других регионов современного мира в координатах профиля журнала.

Требования к оформлению статей соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в Перечень ВАК, а в дальнейшем – в ERIN PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Разделы журнала:

1. Геополитика Большого Кавказа
2. Религии и регионы Большого Кавказа
3. Этнология народов Большого Кавказа
4. Цивилизации и культуры Большого Кавказа
5. Социальные институты региона: прошлое, настоящее, будущее
6. Дискуссионная трибуна
7. Рецензии
8. Молодежный формат

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – не более 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Графики, диаграммы, схемы и рисунки представляются в формате Word 1997–2003 на отдельной странице. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.

- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.

- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.

- *Самоплагиат*. Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей и, вместе с тем, выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.

- *Самоцитирование.* В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Рекомендуемое количество источников в списке литературы – 20–25.

Информация об авторе на русском языке

Название статьи
Фамилия, имя, отчество автора (полностью), Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация Название организации Город Страна
Аннотация (объем от 200 до 300 слов)
Ключевые слова Ключевые слова (5-10) разделяются точкой с запятой

Информация об авторе на английском языке

Название статьи на английском языке
Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке, (<i>Anna V. Ivanova</i>) Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте http://translit.ru , при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN. Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация на английском языке Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (<i>FGBNU, FGBOU VPO</i>).
Аннотация на английском языке (объем от 200 до 300 слов)
Ключевые слова на английском языке Ключевые слова (5-10) разделяются точкой с запятой

Требования к оформлению ссылок и списка литературы

В тексте источник указывается в круглых скобках (фамилия первого автора, год выхода).

Например, (Слаутер, 1996. С. 34) или (Acemoglu, 2003. P. 630).

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. На все источники в тексте должны быть даны ссылки.

Список литературы

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском, украинском и английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту.

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

КНИГИ

Маршак А.Л. Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2007. 424 с.

СТАТЬИ

Герасимов Г.И. Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : автореф. дис..... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : дис..... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева Л. А. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2005.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин С.Л. К проблеме маргинальности и культуры в современной России // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в.: материалы всероссийской научной конференции. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 197–202.

Оформление русскоязычной литературы в References

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке. Требования к оформлению References основаны на **APA Style** – широко распространённой в мировых общественных науках форме оформления академических работ, разработанной Американской ассоциацией психологов. Подробную информацию по составлению библиографических ссылок и цитированию на английском языке в APA formatting and style guide можно найти по адресу: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Транслитерация русскоязычных названий должна производиться на основе

Пример оформления списка – REFERENCES:

КНИГИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. Место издания: Издательство.

Marshak, A.L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ.

СТАТЬИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. *Перевод названия журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G.I. (2005) Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Social and humanitarian knowledge*, 4, 84-96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие. (Год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. (Doctoral Dissertation, университет, город)

Lubsky, R. A. (2015). *Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, the specifics of development*. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство транслитерация.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In Название конференции перевод: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). *To the problem of marginality and culture in modern Russia*. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Author Guidelines

The journal accepts the articles for actual theoretical and practical issues of the research of the macro-region the Greater Caucasus in the system of state and regional entities of the Eurasian space, including Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

The design of the articles meets the standards of international scientific journals in order to be accepted to the international databases in future.

Focus and Scope:

The journal offers the following subject headings in correspondence to the profile of the edition:

1. Geopolitics of the Great Caucasus.
2. Religions and Regions in the Great Caucasus.
3. Ethnology of the Peoples in the Great Caucasus.
4. Civilizations and Cultures in the Great Caucasus.
5. Social Institutions in the Region: Past, Present, Future.
6. Discussion Tribune.
7. Reviews.
8. Youth Format.

Languages of Publication:

The journal includes publications of articles in English and Russian.

The **recommended length** of articles is no more than 40 000 characters, spaces included, including illustrations, schemes, footnotes, bibliography, abstract and keywords.

Typesetting of article texts must be carried out on computers in the MS Word program (A4 format, one-and-a-half line spacing, font size 14, Times New Roman, justified alignment, margins from the top, bottom, left, right - 2 cm, page numbering is solid, starting with the first).

Schemes, tables, photographs and pictures must be numbered and are presented with the titles (inscription) or headings..

The recommended level of originality of the article is 80% improper:

- Verbatim copying of another author's text of without attribution of his authorship, without reference to the source and the use of quotation marks.

- Incorrect paraphrasing, in which more than one sentence is changed within one paragraph or section of the text, or the sentences are arranged in a different order without a corresponding reference to the source.

- Use of graphic elements of another author's work without attribution (figure, table, etc.) and reference to the source. Authors must obtain permission from the copyright owner to use elements of their work.

- Self-plagiarism. If fragments of the manuscript were previously published in another article, the authors are obliged to refer to the earlier work, indicate what is the significant difference between the new work and the previous one and, at the same time, identify its connection with the research results and conclusions presented in the previous work.

- Self-citation. The references should not contain more than 20% of the works of the authors of the manuscript.

References are placed after the main text (at the end of it). The recommended number of used sources is 20-25.

The article are accepted by the **e-mail**: csb.journal@mail.ru

Information about the author

Title
First Name, Last Name (Anna Ivanova) Scientific degree, title, position E-mail: Tel .:
Affiliation
Abstract (Length 200-300 words) <i>Should contain the information on the purpose, structure, methods, conclusions of the research</i>
The keywords must consist of 5–10 words, separated by a semicolon
Highlights <i>Should reflect the key results of the research, presented in 3-5 items of the bulleted list</i>

The structure of the article

The article should be written in the international format – **IMRaD** (Introduction, Methods, Results, and Discussion).

Each part of the article reveals certain questions.

Introduction	What is the problem of the research? The introduction should determine the nature of the problem, indicate the purpose of the research, present its hypothesis and justify the importance of the study
Materials and Methods (Theoretical basis)	How was the problem studied before?
Results	What are the main findings or even discoveries? This part presents the results of the research in a clear logical sequence, without interpretation of the results. It is here tables, drawings and graphics are most often used.
Discussion	What do the results mean? The discussion should focus on the interpretation of the results and other related materials. This part should explain the importance of the observed opinion for the purpose of the study; link the results to the hypothesis.
Conclusion	The conclusion should summarize the results and its significance, describe the consequences and practical meaning of the research, give recommendations, if possible.
Acknowledgments	Reference to the grant (if any).
References	

Reference to bibliographical literature must be made **within the text** round brackets (Surname of the first author, year of publication. page).

For example, (Acemoglu, 2003. P. 630).

The bibliography should include only the sources used in the article with the links. The sources are listed alphabetically.

References

The design of References is based on **APA Style**, developed by the American Psychological Association, and widespread in social sciences. For more information: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

EXAMPLES:

BOOKS

Author (Year of publication). *Title*. Place of publication: Publishing house.

Cornell, S. (2005). *Small nations and great powers: a study of ethnopolitical conflict in the Caucasus*. London and New York: Routledge.

ARTICLES

Author (Year of publication). *Title*. *Journal*, Volume, Issue, Pages.

Barnes, L. (2005). Religion, Education and Conflict in Northern Ireland. *Journal of Beliefs Values*, 26(2), 123–138.

ELECTRONIC RESOURCE

Title. (Year of publication, if any). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

THESIS

Author (Year of publication). *Title*. (Doctoral Dissertation, University, City)

Lubsky, R. A. (2015). Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, specifics of development. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

BOOK UNDER THE GENERAL EDITORSHIP

Author (Year of publication). *Title*. In Editors (Eds.). Place of publication: Publishing house.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

ARTICLE IN THE CONFERENCE PROCEEDINGS

Author (Year of publication). *Title*. In *Conference title: Proceedings of the Scientific Conference*. Place of publication: Publishing house.

Skorynin, S.L. (2008). To the problem of marginality and culture in modern Russia. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

